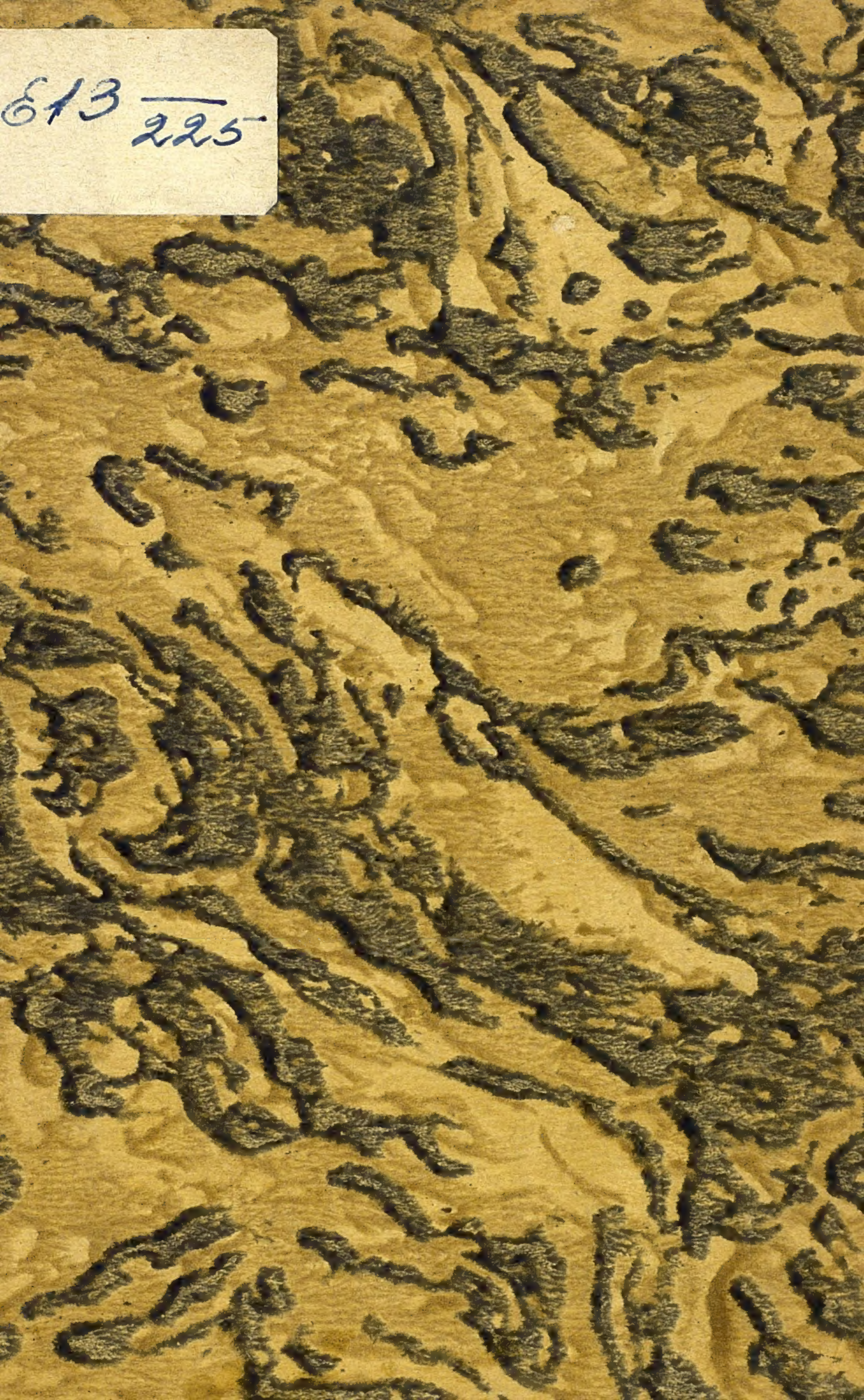

613
225

А. ГОЛЬЦМАН
(Я. БОЯРКОВ)

РЕГУЛИРОВАНИЕ
и
НАТУРАЛИЗАЦИЯ
ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

МОСКВА
Издание Центр. Комитета Всеросс. Союза Рабочих-Металлистов
1918

МОСКВА.
Тип. «Моск. Печ Производство», Мясницкая 20. Тел. 1-88-49.
1918.

Предисловие.

Проблема заработной платы представляет собою дин из самых жгучих вопросов современности.

В чисто практическом отношении этот вопрос редставляет собою тот сфинкс, от разрешения заадки которого зависит существование всякой совреенной государственной власти. В наше время, ольше, чем в какое-либо иное, оправдываются слова егеля, что „массы выступают вперед“.

Выступают, однако, прежде всего пролетарския ассы. Поэтому, всякая государственная власть в юбой стране стоит накануне экзамена перед выстуающими вперед пролетарскими массами. Главным опросом великого исторического экзамена становится а наших глазах вопрос социального и экономиеского бытия пролетариата, т. е. вопрос о зараотной плате.

В теоретическом отношении проблема заработной латы должна служить кристаллизованным олицетвоением небывалых исторических процессов, пережиаемых современным человечеством. Несомненно, что а последние годы произошли такие грандиозные двиги в социальной жизни человечества, которые атмили собою все пережитое за целые сотни лет. ы можем действительно, с полным правом сказать ашим детям: наше время—сказочно-интересный и ебывало великий период существования земного ара. На наших глазах совершаются потрясения, авных которым не знают запыленные архивы исории. Только с геологическими переворотами и с

фантастическими чудесами междупланетных обра-
зований может сравниться по своему величию пере-
живаемое нами время. И только слепой может думае
что раз в соседних странах не видно баррикад и н
слышно канонады гражданской войны, то жизнь н
Западе остановилась на том пункте, где ее застал
начало войны. Нет, в наше время уже не видно чтоб

„....... в тени чинары
Струи сладких вин
На узорные шальвары
Сонный лил грузин".

На западе и на востоке, на полюсах и тро-
пиках—все пришло в движение. Фея—история одни
взмахом волшебной палочки разбудила всех обита-
телей земли.

В этом живом движении и создаваемых им новы
формах каждый шаг связан с эволюцией заработно
платы. Заработная плата—самый верный критерий дл
определения глубины и прочности совершающихс
социально-экономических потрясений и образований

Мнение автора—заработную плату нельзя изучат
без предварительного исследования экономически
следствий войны 1914—1918 г.г. Последним уделен
в литературе, а в русской в особенности, слишко
мало внимания. Между тем, человечество, живуще
наблюдающее и мыслящее, никогда еще не видел
такого грандиозного эксперимента, как современна
война. Если правильна старая прагматическая истина
что каждая причина имеет свое следствие, то вс
масса исторических причин и зародышей будущег
общественного строя как бы нарочно сгущена, сжат
в 4-х-летнем узле неизжитой еще войны. Именно
война, это—тот чародей, который вызван современны
человечеством и который полонил вызвавшие его силы

Вот почему в настоящей брошюре вопросы зара-
ботной платы тесно переплетаются с вопросами со-
циальных (или вернее социалогических) следстви
войны.

Октябрь 1918 г. А. Г.

. Положение заработной платы в России.

Кажется, еще никогда ни в одной стране не вставал так езко вопрос о регулировании заработной платы, как за поледние $1^1/_2$ года у нас в отечестве. Современное состояние аработной платы не удовлетворяет, кажется, ни одну из уществующих в России общественно-экономических групп. абочие недовольны своей заработной платой сплошь да рядом; рактика тарифов заработной платы показывает воочию это страшное недовольство. Нельзя сказать, чтобы это недовольство ыло совершенно неосновательно. Наши рабочие, как и лица, ринадлежащие к другим слоям населения, привыкли уже к звестному жизненному потребительному уровню, который, орош ли он или плох, считался для них нормальным. В больних и интересных работах инж. И. М Козьминых-Ланина ы находим более или менее точное определение жизненного ровня рабочих различных производств Московской области. очно такая же относительная устойчивость потребления определилась и у рабочих других промышленных районов России .Жизенный уровень рабочего покрывает собою известные количества отребляемых продуктов (понимая потребление в расширительом смысле), а также и известные качества этих продуктов. ежду тем, война внесла в потребительные традиции рабочих ромадные осложнения. Потребление рабочего по истечении х лет войны сильно отличается от его довоенного потреблеия и отличается—это можно смело утверждать—в худшую торону. Несмотря на громадное увеличение денежной заработой платы, общее удовлетворение работником его жизненных отребностей, его, если угодно, реальная заработная плата—

несомненно пала. К сожалению, очень трудно в этом отношении привести какие-либо точные примеры. В довоенное время главной единицей измерения потребления рабочего был хлеб. У нас, в России, большой процент потребления рабочего падал на ржаной хлеб; заграницей—на пшеничный хлеб. Но в последние годы перед войной тенденция к переходу на пшеничный хлеб обозначилась и у нас. Однако во время войны пшеничный хлеб совершенно вышел из употребления. Все население, в том числе и рабочие, перешли (в крупных городах) на ржаной хлеб. Из этого все же нельзя сделать вывода, что ржаной хлеб может быть принят за единицу измерения потребления в России. На исходе 1916 г. и в течение 1917 г. запасы ржи в России настолько истощились, что удельный вес и ржаного хлеба в общих величинах потребления сократился до минимума; отход Украйны от России и развитие военных действий в наиболее плодородных местностях страны привели к тому, что теперь даже высшим категориям потребителей по классовому пайку не может быть обезпечена ежедневная порция хлеба. Величина выдаваемого рациона в Петрограде и Москве все время колеблется около $^1/_8$ и $^1/_4$ фунта хлеба в день. Хлеб, как предмет потребления широких масс, совершенно утратил свою превалирующую роль в жизни человека. Если считать в грубых цифрах нормальным для довоенного времени питание рабочей семьи артели фабр. Фр. Рабенека в Москве, то согласно исследованиям инж. Козьминых-Ланина относительное потребление различных продуктов распадалось следующим образом:

ПРОД. ПОТРЕБЛЕНИЯ.	%% к общей сумме расх. на продов.
Мясные продукты	44,1
Рыба	2,8
Картофель	0,4
Мука и хлеб	48,7
Зелень и овощи	3,9
Прочее	0,5

Среди более оторванных от деревни рабочих вероятно распространено потребление и коровьего масла или др. молочных

продуктов. Так, в немецкой семье в Германии на эти продукты падает 24,2% общих расходов на продовольствие. Все эти продукты имеют теперь меньшее значение нежели картофель, бобы, горох и т. д.

Таким образом, современное питание работника в России совершенно изменило свой характер. Традиционный состав пищи населения более не существует. Если к этому присовокупить положение дел с потреблением одежды, обуви и помещения, то картина станет только рельефней. В некоторых местах юга России уже теперь носят башмаки с деревяными подборами. Учесть изменение покроя одежды и его фасона, конечно, крайне трудно, однако применение суррогатов сукна и бельевой материи достаточно общеизвестно. Питание работника распылилось по отдельным и более или менее случайным элементам. До сих пор еще не выдвинулся предмет питания, который бы имел удельный вес в современном питании, равный удельному весу хлеба в довоенном.

Если сопоставлять все же современное и довоенное питание работника в таких единицах, как рожь, масло или мясо, то мы получим довольно рельефную картину падения реальной заработной платы работника. Так, например, заработная плата чернорабочего вагонной мастерской Путиловского завода, выраженная в пудах ржи, составляла в 1914 г. — 31,48 п., а в 1918 г. менее 24 п. в месяц [1]). Заработная плата чернорабочего железопрокатного цеха Путиловского завода понизилась с 28,39 п. ржи в месяц в 1914 г. до 20,22 п. ржи в 1918 году.

Денежная заработная плата, однако, все время в течение войны возрастает. Еще до революции номинальная заработная плата резко повысилась на протяжении всей России и в первую голову в металлической промышленности. Средние поденные ставки Путиловского завода, славившегося своей низкой заработной платой, претерпели во время войны следующие изменения:

---

[1]) Цена ржи взята для 1914 г.—81 к. за пуд., для 1918 г. последние установленные Президиумом В. С. Н. Х.

Средние поденные платы Путиловского завода [1].)

	Средние по всем мастерским 1914 г.	1916 г.	1917 г.
Слесаря	3.60	5.95	12.40
Токаря	3.16	6.94	11.65
Фрезеровщики	3.74	7.50	13.04
Строгальщики	3.72	7.25	12.84
Долбежники	3.74	7.50	12.11
Сверловщики	2.80	8.43	11.16
Клепальщики	2.52	6.18	12.36
Шишельники	2.65	7.49	13.66
Ст. на печах	4.48	7.13	13.48
Вальцовщики	4.99	10.55	11.91
Формовщики	2.97	6.21	16.24
Вагранщики	2.39	4.46	8.97
Кузнецы	—	9.86	10.35
Кабельщики	3.87	5.60	11.20
Чернорабочие мужчины	3.39 (?)	3.55	6.96
„ женщины	1.81	2.62	4.88
Сторожа	1.28	2.59	5.50

В особенности после октября 1917 г. заработная плата начала резко идти вверх. В это время ее рост зачастую совершенно не встречал сопротивления извне. Такой рост заработной платы вызывает, конечно, большое недовольство в крестьянских массах и не занятых индустриальным трудом рядах городского населения. Таким образом современное состояние заработной платы не удовлетворяет ни рабочих, ни остальные общественные группы страны. Для первых она недостаточна; вторые считают ее источником дороговизны и видят в рабочих виновников последней.

---

[1]) Инж.-мех. А. П. Серебровский, „Революция и заработная плата рабочих металл. пром.,“ стр. 24—25, извлечения.

. Заработная плата и регулирование товарообмена.

а) Нормирование потребления и фиксация цен.

Заработная плата представляет собою, как известно, одну з форм распределения общественного дохода. Накопляемое в ечение известного промежутка времени материальное богатство бщества, выраженное в предметах потребления всех видов, аспределяется между членами общества (гражданами страны) азличными способами. Часть граждан получает причитающуюся м долю в виде предпринимательской прибыли, другая часть— виде земельной ренты, третья—в виде процентного вознаграждения за ссудный капитал и пр. Рабочие, занятые в предприятиях, получают свою долю общественного продукта в виде деежной платы, периодически выдаваемой им предпринимателями.

За полученное денежное вознаграждение владелец его имеет олное право купить все желательные для него предметы, обраающиеся на рынке и доступные его бюджету. Денежные знаки, олученные рабочими за продажу своей рабочей силы предприимателю, являются в его руках одновременно как бы свидетельством на сделанный ранее акт (продажи своего труда), так и видетельством на право получения взамен за отданную силу родуктов, необходимых ему для жизни. Вместе с тем, эти же енежные знаки являются в процессе купли-продажи товаров еобходимым эквивалентом, без которого товар не попадет в уки рабочего.

Война внесла, однако, в этот процесс товарообмена больши сложнения. Во всех воюющих и во многих нейтральных страах государственная власть под давлением экономической необходимости вмешалась в процесс товарообмена. Это вмешательство шло главным образом по двум линиям. Государственная ласть, во-первых, периодически фиксировала цены на важнейие предметы потребления и, во-вторых, она регулировала оступление на рынок самих товаров. Здесь очень важно отетить, что самый рынок, как таковой, не был ликвидирован. истема эквивалентных взаимоотношений товаров и денежных наков осталась в полной неприкосновенности. Однако, само

пред'явление товаров в ответ на пред'явление денег было огра ничено. Точно также были установлены величины (в едини цах весов или мер) товаров, могущих быть обмененными з известную денежную сумму. Германия первая вступает на пут таксировки товарных цен и регулирования товарооборота. Н другой день после об'явления войны—31 июля 1914 г. (по нов ст.) Союзный Совет воспрещает вывоз хлеба и с'естных при пасов за пределы страны. 24-го августа им издается постано вление об обязательном об'явлении торговцами имеющихся них запасов хлеба. Целым рядом следующих далее постановле ний германское правительство определяет и качество выпека мого хлеба (знаменитый „Kriegs—Kartofelbrot") и цены на раз личные злаки. Местные самоуправления приступают одновре менно к нормировке самого потребления. Хлебные карточк столь распространенные теперь по всему миру, впервые стал применяться в начале войны в Германии. За хлебом следуе нормирование потребления сахара, молочных продуктов и т. д. так что к концу 1915 г. 90% всех продовольственных про дуктов распределяется уже по заранее разработанным планам

За Германией та же система нормировки душевого потреб ления и таксации цен проникает в Англию и Францию, а позж в Россию. Англия нормирует цены на хлеб и уголь, а затем на некоторые другие предметы потребления. Франция тоже на чинает с регулирования цен на хлеб и его производства. общем и целом эта тенденция нормирования человеческог потребления приобрела права гражданства во всех воюющи государствах.

Вслед за мероприятиями, связанными с таксировкой товар ных цен и нормированием душевого потребления, выступае система государственных монополий. Монополии, возникши во время войны, имеют по большей части „продовольственный" характер и связаны с продовольственным кризисом. Класси ческая страна монополий Германия проводит прежде всег концентрацию обмена в руках государственной власти; ее мо нополии—суть монополии торговли. Только в 1915 г. был проведена, кажется первая за время войны, производственна монополия—азотная, да и та сопровождалась десятками загра дительных оговорок. Лишь в 1916 г. и позже было при

ступлено к проведению некоторых других производственных монополий.

Так или иначе, аппарат обмена или, что то же, аппарат распределения продуктов общественного производства в течение нынешней войны подпал под сильное влияние государственной власти. Одна часть этого аппарата непосредственно перешла в руки государственной власти и стала последней управляться. Деятельность другой части, оставшейся в руках частно-торговых элементов, была регламентирована тою же государственной властью. Она как бы была переведена на положение агента государства по распределению продуктов производства.

Понятно, что такое изменение структуры обмена в социальном организме выдвинуло проблему заработной платы в совершенно новом свете. Несмотря на то, что работник получает вознаграждение за труд в виде известной суммы денежных единиц, он может приобресть себе в пользование, однако, только ограниченное государственной властью количество потребляемых им предметов. Если до войны его потребляемость суб'ективно ничем, кроме его финансовых средств, не ограничивалась, то теперь, даже при наличии денежных средств и воли к приобретению, а также и при наличии желательных предметов, вообще говоря, в стране или в данной местности, его потребление регламентируется властью, и он не получит больше известной на его долю падающей величины общественного продукта.

Очевидно, вся система потребления в военный период совершенно не соответствует системе довоенной эпохи. Отметим, в качестве первого бросающегося в глаза факта: потребление страны регламентируется государством и отнюдь не соответственно денежного дохода граждан страны. *Потребление оторвалось от системы денежного дохода и регулируется не покупательной способностью владельца денежных средств, а государственной властью.*

б) Физиологический, традиционный и „голодный“ уровень потребления.

Этот первый вывод необходимо принять с крайней осторожностью и со многими оговорками. Государство, даже в такой стране, как Германия, регламентирует далеко не все стороны народного потребления. В системе регулирования потребления

есть прорехи, в которые может направляться денежная масса для представления своему владельцу свободных от регламентации продуктов. Далее, в каждой стране существуют пробелы в самых методах государственного регулирования. На основе противоположности интересов страны, как целого, и отдельных общественных групп, во время войны развился тайный обмен продуктов или обмен по ненормированным ценам („спекуляция“). Но самое главное это то, что деньги сохранились не только как счетная единица, но и как товарный эквивалент, и в государстве в любой момент может оказаться некоторое количество лиц, не обладающих достаточным количеством денежных средств, чтобы приобресть товары, предлагаемые им государственным распределительным аппаратом, или аппаратом, по указанию государства действующим. Повидимому, приведенное выше положение нуждается в некоторых оговорках. Необходимо еще, кроме того, присовокупить, что и сама государственная власть распределяет продукты, руководствуясь известными соображениями и подчиняясь об'ективнымъ законам.

Тем не менее не может подлежать оспариванию существование основной тенденции к разрыву между методом распределения денежных средств и методом распределения материальных богатств.

Бросим беглый взгляд на оба упомянутые процесса в их изолированном существовани. В высшей степени трудно сказать, насколько частновладельческий аппарат обмена заменился в настоящее время государственным. К сожалению до сих пор не сделана еще попытка изучать социальные последствия современной войны и изложить их в более или менее систематическом виде. Если Германия сосредоточила, как сказано было выше, в руках государства значительную часть распределяемых продовольственных продуктов, то такие страны, как Италия и даже Россия, до последнего времени не знают фактического регулирования потребления важнейших предметов. Кроме того необходимо еще принять во внимание, что за время войны изменился самый характер потребления. Человечество в массе переходит от потребления хлебных злаков и мяса к системе питания более или менее случайной (т. е. до сих пор мало культивировавшейся)— растительностью и рыбой. Но несмотря на скудность сведений в этом отношении и затруднения, встречаемые при изследова-

нии, можно считать бесспорно установленной тенденцию к ликвидиции зависимости потребителя от „вольного рынка“ и образование новой его зависимости—от государственно-распределительного аппарата.

Эта зависимость имеет два непосредственных следствия. Во-первых, финансовые средства работника, являющегося одновременно и потребителем, поступают по мере приобретения им необходимых предметов в распоряжение государства. Во вторых, государственная власть берет на себя обязательство снабжать потребителя известными продуктами.

Система регулирования потребления возникла, главным образом, вследствие недостатка продуктов в воюющих державах. Наиболее предусмотрительные из них, как, например, Германия, при распределени продуктов старались учесть возможные изменения запасов на более или менее длительный период времени и соответственно этому изменяли „продовольственный рацион“, выдаваемый населению. Вообще говоря при исчислении рациона возможны три метода. Государство может (в случае наличности достаточного количества продуктов) выдать населению такое количество предметов, какое страна окажется в состоянии потребить.

При таком условии, каждый житель может приобретать угодное ему количество предметов и будет следовать, вероятно, своим привычкам и финансовым возможностям. Уровень потребления в данной обстановке может быть следовало бы назвать „традиционным уровнем потребления“, потому что население в массе в таком случае будет следовать своим традициям потребления. Ясно, что такой метод распределения государство может применять далеко не всегда. При изоляции страны от враждующих с нею государств общий недостаток продуктов так ощутителен, что нормальным положением для большинства местностей является недохватка требуемых предметов; в таких странах, как Россия, сюда надо еще присовокупить хроническое расстройство транспорта, делающее прибытие продовольственных грузов в крупные города сравнительно случайным явлением. Поэтому во многих районах воюющих держав (а в России сплошь да рядом) применяется иной принцип: государство выдает населению все количество поступающих

данный район грузов. Такие местности живут очевидно изо дня в день случайным привозом продовольствия, и размах распределения в них целиком зависит от запасов материальных богатств в стране. Уровень потребления населения при таких обстоятельствах будем называть „голодным“ уровнем, а сами потребительные нормы—голодными нормами потребления.

Наконец, есть еще третий метод, который до сих пор применялся только в Германии. При этой системе потребительная способность населения анализируется государством научными методами. Жизненный уровень гражданина определяется не его традицией потребления, а специальными исследованиями. Предполагается, что стихийное приспособление потребления к производству, имевшее место до войны при вольном рынке, происходило не совсем рационально. При научной постановке питания можно было бы, предполагается, достигнуть некоторой экономии, как в смысле расходов общества на питание каждого отдельного члена его, так и в смысле усвояемости организмом продовольственных продуктов. Таким образом подошли к проблеме установления „физиологического уровня“ потребления. Если перевести потребляемые человеком продукты на тепловой эффект их в организме, то получится характерная картина нерационального расходования производительных сил общества на потребление, неоправдываемое физиологической необходимостью. Так, например, Германия потребляла в мирное время 90 миллиардонов калорий ежегодно, а по физилогическому уровню питания ей было бы достаточно 56,75 миллиардов калорий в год.

Определение жизненного уровня по последней из названных систем должно быть признано при современном состоянии физиологии и технологии крайне затруднительным. Физиологически необходимый уровень потребления представляет собою в высшей степени неустойчивую единицу по мере перехода от одной профессии к другой. Не говоря уже о том, что потребление, например, шахтера отличается от потребления бухгалтера, даже в одной и той же отрасли производства потребительные нормы крайне варьируют. Пища токаря и слесаря на холодной обработке металла отличается и по роду и по качеству и количеству от пищи кузнеца или молотобойца. Кроме того, если

названных категориях труда перевес в потреблении, например, уки или мяса падает на молотобойца, то повидимому в поребления жиров или растительных блюд может сказаться обатная тенденция. Здесь наблюдается в более миниатюрном асштабе та же градация потребления, которая встречается народов различных климатических условий или цивилизаций.

Во время войны можно было наблюдать применение всех рех указанных выше систем. Путем детального изучения хозяйственных рессурсов страны государственная власть в Германии сумела распределить в 1914—1915 г. сравнительно скудные запасы хлеба таким образом, что к новому урожаю остался аже некоторый излишек. При установлении еженедельного раиона принимались во внимание как данные о запасах проовольствия, так и вычисленные проф. Эльцбахером и др. учеными цифры необходимого физиологического уровня потребения. Мы в России являемся свидетелями применения сиемы „голодных" норм потребления. У нас инициатива распреееления продуктов не находится в руках государства до сих ор, и товарообмен совершается в значительной мере нелегально стихийно.

в) Нормирование потребления и денежный доход.

Но там, где государственная власть держит в своих руках ппарат распределения продуктов, там мы имеем налицо *систему централизованного распределения общественного дохода*. Можно, разумеется, оспаривать разумность или справедливость принципов, положенных в основу распределения, но самый факт централизации последняго очевиден. Упомянем вскользь, что принципы современного распределения повидимому, разрешают совершенно непредвиденным образом, старый пор о том, необходимо ли в будущем обществе давать, каждому еловеку „по его потребностям" или же „по способностям". Практика распределения выдвинула новый момент распреееления соответственно производительным способностям общества. Кроме того система классового пайка (проведенная впервые Германии), являющаяся непосредственным выводом из принципа научного определения физиологического минимума, изменяет принцип распределения „каждому по потребностям",

делая его более точным и об'ективным: самая потребность оп-ределяется как физиологически необходимая.

Во всех этих системах есть все же нечто общее. Оно заклю-чается в том, что государственная власть, распределяя по том или иному принципу наличное материальное богатство страны определяет этим самым количество и род предметов, предоста-вляемых той или иной категории труда. Особенно рельефн встанет этот момент, если представить себе систему государ-ственного регулирования товарообмена распространенной на вс 100 % человеческого потребления. Как мы видели выше, така тенденция наблюдается во всех воюющих или подверженны влиянию войны странах. Если полагать, что реальной зара-ботной платой называется общая сумма всех видов приобре-таемых рабочим продуктов в обмен за его денежную плату з труд, то при регулировании товарообмена денежная заработна плата, повидимому, не всегда может реализоваться. Рабочи может реализовать свою денежную заработную плату тольк в двух случаях из трех, когда она либо ниже, либо равна том продовольственному „пайку", который ему предоставляется рас-пределяющим продовольствие органом. Но если его денежна заработная плата превышает этот „паек", то он избыточну часть превратить в продукт не может. В этом случае насту-пает *несоответствие денежной заработной платы с жиз-ненным уровнем работника, определенным государством* Такое же несоответствие наступает, правда, и в том случае когда заработная плата ниже „пайка". Это несоответстви грозит голодными бунтами, вымиранием рабочих и т. д. Мы о нем не упоминаем более детально, потому что это вопро общей государственной политики и выходит за пределы наше темы

Какие проблемы встают в связи с этим перед государ-ственной властью? Государство не может оставаться равнодуш-ным к тому обстоятельству, что денежная заработная плата регламентированная доля общественного дохода не совпадаю в величине. Потребитель, имеющий некоторый излишек де-нежных средств, всегда будет искать, при недостаточност предоставляемого ему пайка, поставщика продовольствия з стеною государственного распределительного аппарата. Иначе

говоря, излишек денежной заработной платы толкает владельца его в сферу нелегального товарообмена, в об'атия спекулянта.

Но самая главная причина, по которой государство вынуждено будет приступить к регулированию денежной заработной платы, заключается не в развитии спекуляции. Подпольный рынок можно уничтожить при наличности налаженного полицейского аппарата и грубо-принудительным путем. Опасность заключается не в спекуляции, а в том обстоятельстве что денежный избыток в руках потребителя расстраивает экономическую систему страны. Представим себе страну, в которой распределение продуктов происходит исключительно по плану, предначертанному государством. Вместе с тем представим себе, что денежная заработная плата некоторого круга лиц превышает общую стоимость предметов потребления, предоставляемых им продовольственными организациями. В таком случае, очевидно, ценность денег в этой стране падет, ибо за них можно будет приобрести товаров меньше их номинальной стоимости. Падение ценности денег будет означать вместе с тем и вздорожание предметов. Таким образом превышение заработной платы над потребительным уровнем жизни в такой стране неизбежно вызывает пертурбацию цен и ломает государственную их таксировку.

Денежная заработная плата, однако, может и не пред'являться в полной сумме продовольственным органам. Часть ее может остаться на руках у владельца. Однако, для него не представляет интереса участвовать ею и в каких-либо промышленных предприятиях ибо при системе регулирования потребления он никогда не может надеяться на более комфортабельную жизнь, нежели ему предоставляет государство. Очевидно, в этом случае деньги будут лежать без движения. Они превращаются в сокровище и хранятся в кубышках, словом выходят из оборота. С течением времени общая сумма таких сокровищ в стране все возрастает и возрастает. Государственное казначейство выпускает все новые суммы денежных знаков, которые, превращаясь в сокровище, теряют свою общественную ценность и подрывают финансовую мощь страны. Инициатива регулирования денежного обращения выпадает из рук госу-

дарства, и оно постоянно стоит перед угрозой неожиданного переполнения денежных каналов и банкротства [1]).

Наконец, можно представить себе, что деньги не дешевеют и не выходят из обращения. В таком случае они должны направляться в обмен за какие угодно предметы, только не предметы потребления. Но такого рода предметами могут быть в современном обществе только орудия производства: машины, фабричные здания и пр. Если бы даже предположить, что владельцам последних есть смысл их продавать, несмотря на невозможность обмена денег на предметы потребления, то такого рода распродажа орудий производства подорвала бы самый фундамент существования общества, ибо распылила бы общественное производство по невидимым тысячам предпринимателей. Но и в этом случае, акт перепродажи не мог бы долго продолжаться, и вслед за тем опять наступил бы финансовый кризис.

* * *

Мы рассмотрели в общих чертах изменения проблемы заработной платы в связи с государственным регулированием потребления. Из сказанного выше напрашиваются следующие выводы:

1) Во время войны личное потребление членов общества потерпело значительные изменения. Его размер и состав стали регламентироваться государственной властью.

2) Вместе с тем, однако, члены общества получают за труд вознаграждение в денежной форме. За деньги они, как и в довоенный период, приобретают предметы потребления.

3) Вследствие этого система распределения общественного дохода оказалась изолированной от своего денежного выражения. Процессы денежного обращения и распределения доходов пошли по разным руслам.

4) Несоответствие денежной формы заработной платы с современной формой реальной заработной платы влекут за собою

---

[1]) Такой именно момент переживает в значительной мере в настоящее время Россия.

бэзценение денег, превращение их в сокровище и финан-овый кризис в стране.

Очевидно, что перед государственной властью встает роблема регламентирования денежной заработной платы приспособления системы оплаты рабочей силы к системе пределения общественного дохода.

Регулирование производства и личного дохода.

а) Милитаризм и индустрия.

Теория трудовой стоимости товаров, провозглашенная Марком, представлялась в свое время довольно сложным и запутанным б'яснением возникновения рыночной цены. На рынке в это ремя господствовал принцип свободной конкуренции товаров, первым бьющим в глаза фактором, двигающим вверх или низ товарную цену, была игра спроса и предложения. Нужен ыл глубокий анализ Марксова ума, чтобы сквозь эту переенчивую игру разглядеть „субстанцию", постоянно действуюций принцип „кристаллизованного человеческого труда".

Для об'яснения своей теории Марксу пришлось прибегнуть сравнениям. Всем памятна „Робинзониада", представленная м в главе о „товаре как фетише и о тайне товарного фетиша" бщество, разбитое на тысячи отдельных товаропроизводителей товаровладельцев, пришлось об'единить в лице одного проводителя—Робинзона, являющегося одновременно товаро-ладельцем, носителем обмена товаров и, в конечном чете, потребителем их. Такое упрощение сложного общественого процесса требовалось для того, чтобы выделить все поочные моменты образования стоимости товара и рельефно поазать роль трудового процесса в создании ценностей.

В наши дни вряд ли пришлось бы прибегать к таким, соединяющим научные приемы с фантастикой, методам. Общественный организм во время войны достиг такой законченности цельности, что представляется возможным изучать проблемы

стоимости непосредственно в самом экономическом процессе. Воюющие державы, да и вообще державы, подверженные экономическому влиянию современной войны, это—лучшие Робинзоны для экономистов нашего времени. Германия — „осажденная крепость“—дала нам лучший образчик такой централизации экономической жизни, при которой образование различных элементов, составляющих вместе ценность товара, впервые в истории выявляется наружу неокутанным никакой оболочкой борьбы спроса и предложения.

Регулирование общественного потребления приводить, как мы видели, к проблеме приспособления заработной платы, к тем потребительным нормам, которые предоставляются государством владельцу денег—в данном случае рабочему. Но современное государство в своем вмешательстве в хозяйственную жизнь регулирует не только потребление и, вообще говоря, не только товарообмен. Оно „вмешивается“ в самый производственный процесс и регламентирует также и в этой сфере деятельность различных частей общественного организма. Нам необходимо вкратце рассмотреть, к чему приводит регулирование производства в смысле движения заработной платы.

Распространено мнение, что вмешательство государственной власти в производственную жизнь значительно превышает все сделанное в области товарообмена. Ниже мы увидим, насколько ограничительно надо толковать это мнение.

Главная причина, по которой государственная власть решила приступить к регулированию производства в воюющих странах, это—разрыв экономических связей между воюющими державами. Современная война отличается от предыдущих в хозяйственном отношении следующими двумя определяющими моментами: 1) Она охватила страны всего более связанные друг с другом в экономическом отношении и всего более друг от друга зависимые; 2) во время современной войны целью враждующих держав является не только военное поражение противника, но и (главным образом) его экономическое истощение. Германия, Англия, Америка, Франция и Россия принадлежали к самым культурным странам мира. Товарообмен между этими странами достигал $^3/_5$ ценности всего мирового товарооборота. Вместе с тем, в процессе войны неприятельские мины и бомбы напра-

влялись не только против дредноутов и крепостей, но и против товарных пароходов и заводов. Всем памятна взаимная блокада Англии и Германии, об'явленная в 1914 г. и до сих пор еще не закончившаяся.

Каждому втянутому в войну государству нужно было прежде всего обеспечить свои армии достаточным количеством военного снаряжения. Этим об'ясняется „военная" ориентация промышленности всех воюющих стран. Не только предприятия, работавшие и до войны на оборону государства, расширили свое производство,—не только было выстроено много новых заводов, изготовляющих военное снаряжение, но по всей Европе прошел точно шквал какого-то преобразования фабрик и заводов „мирной" индустрии в центры милитаристского „тыла". Не говоря уже о Германии, которая с первых дней войны проявила поразительную приспособленность в экономическом отношении, в Англии число предприятий, подпадающих под действие принятого в феврале 1915 г. „Билля о защите страны", растет с каждым днем. То же самое явление наблюдается и во Франции, и в России, и во всех остальных воюющих странах. Во время войны „внутренний" заводский милитаризм необыкновенно разбухает.

Кроме роста часто военной индустрии поражает на первый взгляд также совершенно новый дух всех отраслей промышленности. Как известно, Август Бебель думал, что Европейская война не продлится и 4-х месяцев, ибо экономический организм Европы, по его мнению, не может выдержать длинного промежутка разрыва торговых сношений. На первый взгляд казалось, что в начале войны оправдывается его предсказание.

Безработица, вызываемая значительной сокращением деятельности предприятий почти всех отраслей промышленности, кроме военной, достигла в главнейших странах Европы осенью 1914 г. своего апогея.

В Англии, в хлопчатобумажной промышленности в первые месяцы войны оказалось 41,2% безработных, в бумагопрядильных и бумаго-ткацких фабриках безработица достигает такой силы, что общая сумма выплачиваемой еженедельно рабочим названной индустрии заработной платы падает на 60,9%.

В горшечном производстве % безработных повышается до 11,6, а падение общей суммы заработной платы достигает 33,1%.

Немецкие „свободные“ профессиональные союзы насчитывали в сентябре 1914 г. 21,2% организованных безработных. Союз текстильщиков насчитывал в начале войны 30 тысяч безработных. В России, по безусловно неполным статистическим данным фабричной инспекции, на 1-е октября 1914 г. было (не считая Польши) 145 тыс. безработных. Эту величину надо отнести к 8550 обследованным предприятиям с общим числом в 1.602.000 рабочих, причем сюда не входит горное дело, строительный промысел и т. д. В Польше на 400,000 фабрично-заводских рабочих (по грубым подсчетам) насчитывалось в это время всего 50.000 рабочих, занятых работой на предприятиях,—до того замерла промышленная жизнь.

Однако, чем дальше развивалась война, тем больше оживала опустошенная в первые месяцы промышленность. Союз текстильщиков Германии, относительно которого выше были приведены некоторые цифры, насчитывал к февралю 1915 г. всего 5,1% безработных.

Общее движение безработицы в трех воюющих государствах, Германии, Австрии и Англии, за 1914 и 1915 г.г. представляется в таком виде:

Месяцы.	Австрия		Великобритания		Германия	
	1914	1915	1914	1915	1914	1915
Январь	—	5,9	—	1,9	—	6,5
Февраль	—	6,8	—	1,6	—	5,1
Март	—	5,2	—	1,3	—	3,3
Апрель	—	5,2	—	1,2	—	2,9
Май	—	6,2	—	1,2	—	2,9
Июнь	—	3,3	—	1,0	—	2,5
Июль	—	3,6	—	0,9	—	2,7
Август	17,9%	2,9	7,1	1,0	22,4	2,6
Сентябрь	17,0	2,8	5,9	0,9	15,7	2,6
Октябрь	13,0	2,9	4,4	0,8	10,9	2,5
Ноябрь	9,2	2,6	2,9	0,6	8,2	2,5
Декабрь	8,5	2,9	2,5	0,6	7,2	2,6
Средняя за год	8,1	4,2	3,3	1,1	7,2	2,3

Каким образом идет это „оздоровление" промышленности, вполне ясно. „Нации—говорил 3 июня 1915 г. в Манчестере Ллойд-Джордж—в настоящее время нужны все машины и технические средства, пригодныя для выделки и производства боевых снарядов и предметов снабжения армии; ей необходимо все искусство, все трудолюбие, все силы и труд, пригодные для этой цели. Все решительно, что может помочь нам справиться с нашими затруднениями и покрыть наши нехватки, все это должно быть мобилизовано таким образом, чтобы оказалось возможным производить в кратчайшее время максимальное количество наилучшего боевого материала. Это принесет победу."

Все для победы. Все народное хозяйство приспособилось к одной цели, сконцентрировалось вокруг одного ядра, одной руководящей идеи. Отдельные отрасли промышленности изменили род и качество изготовляемых ими фабрикатов таким образом, что в конечном счете на их предприятиях проделывалась как будто только одна операция, громадного и сложного процесса обезпечения фронта.

б) Государственная организация производства.

Эта своеобразная концентрация промышленности интересует нас в данном случае с точки зрения развития народно-хозяйственного аппарата. Спрос и предложение товаров, игра ценностей, конкуренция и биржа неминуемо должны были пасть до минимума. Различнейшие отрасли производства оказались слишком связанными друг с другом; между ними теперь уже не было больше посредника,—мелкий или крупный финансист или простой биржевой делец мелкого колибра, который бы мог затушевывать положение дел в каждой отрасли, исчез. „Свободных" индустрий,—свободных в смысле независимости от запросов фронта,—в стране не оказалось.

Вся хозяйственная деятельность обслуживала фронт. Но кто же учитывал потребности фронта и „регулировал" соответственно этому промышленность?—Государство. Государственная власть оказалась единственным посредником между фронтом и „тыловой" индустрией. Допускать свободную торговлю на фронте нельзя было уже хотя бы по тому, что солдаты живут

на казенном иждивении и не имеют средств на покупку товаров. Точно также нельзя предоставить каждой армии закупать для себя боевые и продовольственные припасы. За это дело взялось государство, и оно же взялось за транспортирование и распределение припасов между армиями и солдатами.

Но индустрия милитаризовалась не только тем, что обслуживала фронт. Даже удовлетворение мирных потребностей населения было окрашено в защитный цвет и было расчитано так, чтобы, благодаря удовлетворению своих собственных мирных потребностей, население могло обслуживать «военные» потребности фронта. Само распределение продуктов между населением взяла на себя все та же государственная власть. Это верно не только относительно предметов непосредственного личного потребления, но и относительно так называемого „индустриального потребления". Снабжение заводов металлами, углем, смазочными веществами и пр. перестало быть частным делом предпринимательской инициативы и стало функцией органов государственной власти.

Остановимся вкратце на методах, применяемых государственной властью для „регулирования" промышленности. Одним из наиболее главных методов является создание централизующей всю промышленную систему организации. Военно-Промышленные Советы в Германии являются типичной организацией, осуществляющей государственное вмешательство в экономику страны. Уже спустя 8 дней по об'явлении мобилизации 8 августа 1914 года, состоялось учредительное собрание Военно-Промышленного Совета в Германии. Кто был участником этого собрания? Мы видим там: 1) Членов Союзнаго Совета—высший орган государственной законодательной власти; 2) имперскаго министра внутренних дел—исполнительный орган государства; 3) представителей „Центральнаго союза Германской Индустрии" и „Индустриальнаго Союза"—двух организаций, олицетворяющих собою тяжелую и обрабатывающую промышленность страны. Точно таким образом построен и самый Совет: там работают 24 банковских и индустриальных „короля" (Сименс, Блейхредер, Борзиг и др.) и комиссар министра внутренних дел. В Англии при министерстве снабжения организуется Высшая Комиссия, в состав которой входят главным об-

разом представители предпринимательских союзов и рабочих трэд-юнионов, а также представитель государственной власти. Для надзора за правильным проведением милитаризации труда создаются особые „Промышленные трибуналы“, которые составляются очень оригинально: министр снабжения назначает туда членов наполовину из списка, предложенного трэд-юнионами, наполовину из списка лиц, предложенных предпринимателями. Председатель назначается им же.

В Италии и Франции организуются точно также „Национальные“ комитеты, Коммиссии или Советы. Характерной чертой этих организаций, как и приведенных примеров относительно Германии и Англии, является странное скрещение деятельности органов государственной власти и общественных организаций. Представительство в „Советах“ различных слоев населения вполне понятно (в Германском В. Пр. Совете, однако, не имеется представителей рабочих): оно об‘ясняется борьбой общественных групп, продолжающейся и под сенью гражданского мира. Однако, в организации продовольствия страны не видно такой нерешительности государства по отношению к заинтересованным общественным классам. Система монополии гораздо более развита в сфере товарообмена, нежели в производственной жизни. Этого вопроса мы еще коснемся ниже.

в) Мировой голод, как следствие войны.

Производственные организации как бы ублюдочной ни казалась их структура, имеют тем не менее вполне определенный смысл. Индустрия работает по указанию этих организаций, сельское хозяйство руководствуется их директивами, снабжение фабрик и заводов происходит по разработанному ими плану. Государство, олицетворяющее оборону страны, руководит посредством этих организаций национальным производственным организмом. Министерство снабжения в Англии, министерство обозов во Франции, военное министерство в Германии и России превращаются в громадное хозяйственное предприятие, которое гораздо меньше уделяет внимания военным картам и стратегии, нежели заказам не только на „военное“ снаряжение, но и на целую массу посторонних предметов. Государство превращается в универсального заказчика, который не только заменяет собою прежний

рыночный спрос, но способствует снабжению и перевозке из одного завода на другой заинтересовавших его предметов.

Вместе с тем государство (и это неизбежно связано с функцией заказчика) принимает на себя роль главного финансирующего органа. Универсальный заказчик платит, конечно, всем своим поставщикам но, субсидируя заранее целый ряд предприятий, он превращается сам в их кредитора. Промышленность все время задолжена государству. Такая финансирующая роль государственной власти справедлива не только по отношению к отечественной промышленности, но и к внешнему рынку.

Воюющия государства становятся задолженными нейтральным странам. Всем памятны те грандиозные заказы, которые сдавались Соединенным Штатам, тогда еще нейтральным, обеими воюющими коалициями. Вывоз Соединенных Штатов увеличился в 1915 году на 216.194 тысячи ф. стерл. по сравнению с 1913 г., а их баланс улучшился на 219.111 тыс. ф. стер. В абсолютных цифрах сальдо ввоза и вывоза в пользу Соединенных Штатов складывался таким образом:

годы	сальдо
1913	+ 691 м. долл.
1914	+ 324 м. долл.
1915	+ 1.747 м. долл.

Эти миллиарды долларов заносились в пассив государственной власти воюющих стран, которая концентрировала в своих руках и международный товарообмен.

Таким образом производственный аппарат воюющей страны подпал под влияние центральных органов государственной власти, которые направляли различные рычаги его по своему усмотрению.

Централизация производственного аппарата в руках государства имела своим последствием изменения в сфере распределения. Речь идет здесь, однако, не о регламентации личного дохода и личного потребления. Если всю совокупность производства, а также машины, здания, средства транспорта и поступающие в склады на предприятии сырые материалы определять общим термином „национальное богатство", то регулирование производства государственной властью отдает в распоряжение последней и власть над этим национальным богатством. С началом войны Европа вступила в эпоху, когда относительное развитие

составных величин общественного богатства перестало быть делом стихии и подверглось государственной регламентированию. Выше дана была характеристика того аппарата, который эту регламентацию проводит. Поскольку дело касается общей величины постоянного капитала общества, необходимо, очевидно, признать, что значительная часть его, гораздо более значительная нежели в мирное время, была употреблена на обслуживание непосредственных нужд войны. К сожалению, человечество еще не может подвести статистические итоги экономическим результатам современной войны, но громаднейший перерасход общественных сил на производство предметов, расстреливаемых в дым на полях сражений, слишком бросается в глаза. Только за первые два года войны прямые военные расходы и уплата по ним процентов выражались в следующих цифрах:

Государства.	Прямые военные расходы мил. ф. стерлинг.	Уплата процентов.
Великобритания	1550	69
Франция	1655	95
Россия	1425	75
Италия	360	20
Бельгия	120	6
Сербия и Черногория	100	6
Итого страны Согласия	5210	271
Германия	2100	105
Австро-Венгрия	1100	66
Турция	140	9
Болгария	30	2
Итого страны Союза	3370	182
Все воюющие державы	8580 м. ф. ст.	453 м. ф. ст.

Эти цифры нам важны как денежное выражение затраты общественного богатства; они показывают нам не только то, что общая стоимость израсходованных на ведение войны продуктов достигает $8^1/_2$ миллиардов фунтов стерлингов, но, что еще важнее, и то, что на производство этих продуктов было употреблено известное количество машин, орудий, зданий и др. средств производства.

Убытки, понесенные от войны, вряд ли могут измеряться этими миллиардами. Такой расчет был бы слишком преуменьшен. Гораздо важнее обратить внимание на то, как распределялись производительные силы страны. Если бы во время войны погибли все дредноуты и пушки, заготовленные к моменту столкновения народов,—это был бы большой убыток для материальных сил общества: эти орудия уничтожения обладают, конечно, как всякий продукт человеческого труда, некоторою ценностью. Но если из технических средств современного общества и из общей суммы его рабочих рук отделяется значительная часть национального «капитала», которая расходуется и изнашивается для обслуживания войны, то, очевидно, убытки государства будут равны ценности продуктов, расстреляных и иначе потребленных на нужды войны, плюс те силы общества, которые потребуются для воспроизведения расходуемых технических средств и рабочих рук. Национальный капитал или общая сумма технических сил страны и рабочие ее силы распределяются в производстве таким образом, что только незначительная, совершенно ничтожная часть их идет на производство общественно-полезных машин и др. орудий, с помощью которых можно созидать ценности. Остальные части либо обслуживают потребности войны, либо обслуживают личное потребление членов общества и потому расходуются без воспроизведения.

К чему приводит этот процесс расходования производительных сил без их воспроизводства? С каждым днем подтачивается тот сук, выражаясь фигурально, на котором сидит общество. Если национальный капитал, под которым мы понимаем совокупность технических и рабочих сил общества, ранее, до войны, приносил известный доход обществу, т. е. сверх продуктов потребляемых человеком, давал еще некоторый излишек продуктов, которые в виде машин, зданий и других средств производства шли на усиление деятельности производственного аппарата, то во время войны мы нарастания общественного дохода совершенно не видим. Производительные силы общества расходуются, не воспроизводясь. Таков один из результатов государственного регулирования производства во время нынешней войны.

Конечно, такое умирание общественного организма не может долго длиться. Каждый член общества чувствует это умирание

прежде всего на самом себе, ибо по истечении некоторого промежутка времени силы общества истощаются настолько, что оно не может обслуживать в достаточной мере не только потребности войны, но и личное потребление членов общества. Этот результат подходит с двух сторон. Во-первых, изнашивание машин, и нехватка сырых материалов начинает чувствоваться непосредственно в тех индустриях, которые обслуживают личное потребление человека, как-то в сельском хозяйстве, текстильном деле и пр., и, во-вторых, этот же недостаток достигает такой силы в прочих отраслях промышленности, что затрудняется обмен продуктами между первой и второй группой индустрий. В особенности рельефно выделяется второй момент по отношению к обмену между городом и деревней. Город ничего не может предложить деревне, и сельские хозяева, естественно, не желают предоставлять в распоряжение города даже те скудные запасы хлеба и молочных продуктов, которые они с помощью испорченных и изношенных машин производят. Надо отметить, что сельские хозяева в данном случае, об'ективно говоря, действуют не так уж себялюбиво. Они могут отдать в распоряжение города свои продукты один или несколько раз, но не постоянно, ибо, оставаясь без продуктов и не получая компенсации в виде плугов, кос, борон и т. д., они лишаются возможности производить то, что необходимо тому же городу. Между тем, война в этом отношении не открывает радужных перспектив. Она все более истощает организм городских индустрий и не позволяет крестьянину надеяться на возобновление товарообмена с городом.

Этот момент, известный теперь под общим названием „падения производительности", очень хорошо знаком всему населению России. Денежное выражение заработной платы становится в этом случае фикцией. Человек может быть владельцем сравнительно громадных денежных сумм,—тем не менее ничего он не купит. Общая сумма вращающихся на рынке предметов личного потребления пала чрезвычайно низко. Ее не хватит для удовлетворения всех потребностей всех людей. Чем дольше будет длиться война, тем все меньше будет имеющийся запас таких предметов на рынке. Если рынок—вольный, то благодаря усиленному спросу и сдержанному предложению цены товаров взлетят вверх. В этом слу-

чае к „естественному" голоду вследствие истощения производительных сил присоединяется еще „искусственный" голод, вызываемый социальным неравенством потребителей. Но при вольном рынке денежная заработная плата, как и вообще денежное выражение личного дохода, имеет некоторый смысл. Она, при наличности социального неравенства, отдает большие массы материальных благ в руки владельцев денежных сумм, нежели способны приобресть лица, имеющие деньги в незначительном количестве. При регламентированном распределении продуктов отпадает и этот смысл денежной заработной платы. Потребителю предоставляется только известный „рацион" продовольствия. Этот рацион зависит менее всего от его покупательной способности, ибо последняя почти всегда уже выше стоимости рациона. Величина рациона зависит тепер от распределения производственных сил страны. Будет по-прежнему большая часть их расходоваться на ведение войны,—рацион будет сокращаться; будет произведено новое, более планомерное распределение частей национального капитала—„рацион" может быть увеличен. *Личное потребление теперь, как никогда до этого, зависит от регулирующий политики государства.*

г) Предпринимательная прибыль во время войны.

Регулирование промышленности и регулирование товарообмена государственой властью совершенно отрывают, как видно, систему денежного вознаграждения членов общества, денежной заработной платы от системы распределения национального капитала и, в значительной мере, от системы, распредедления общественного дохода. Денежное обращение оторвалось в эпоху современной войны от своего „вещественнгоо фундамента и оказалось изолированным от товарообмена, и производства.

Но в капиталистических государствах запада это положение не проявилось еще в законченном виде. Логический выводом из факта разрыва денежной системы общества с производственной системой может быть только один—ликвидация денежного обращения. Потребитель, который ограничен в своем праве потребления, предприниматель, распределение капитала

которого зависит не от него, а от государства,—такой потребитель или предприниматель не заинтересованы уже в наличности денежнаго излишка. Казалось бы, Европа подходит к новой фазе общественного развития, при которой деятельность производственного аппарата целиком приспособлена к товарообмену и потреблению, а стоимость товаров выражается в непосредственном виде величины кристаллизованной в товаре рабочей силы.

Но идеи всегда отстают от жизни. Предприниматели в Западной Европе, даже наиболее прогрессивные, и до сих пор носятся с мечтами о восстановлении после войны порядка доброго старого времени свободных торговых операций и „частно-предпринимательской инициативы". По их мнению, эпоха ограничительных норм и государственного регулирования это —временное явление и неизбежное зло индустриализированной войны. По окончании последней опять войдут в силу „естественные" законы конкуренции. Поэтому они и считают необходимым во время войны запастись высокими прибылями, которые можно будет „употребить в дело", даже по их собственному мнению, только после войны.

Соответственно этой идеологии вполне понятно, что и государство строило свою регулирующую политику. Последняя характеризуется незаконченностью. Тенденция регулирования— покончить с денежной системой; действительность—система „государственных" синдикатов и трестов, полукапиталистических, полугосударственных монополий. В производственной жизни совершенно не наблюдается тот смелый размах государственных монополий и муниципальных начинаний, который бросается в глаза в организации товарообмена и потребления. Государственная власть капиталистических стран воюющей Европы не провела ни одной более или менее крупной производственной монополии. Правда, было и есть много проектов таких монополий. Даже в царской еще России „Новый Экономист", редактируемый проф. Мигулиным, предлагал ввести 14 видов монополии, чем обогнал может быть самые смелые планы национализаций. Любопытно, что монополии, предложенные «Новым Экономистом» охватывали банки, железные дороги, страхование, каменный уголь, керосин, спички и пр. Вся беда и особенность этих мо-

монополий состояла в том, что они должны были иметь фискаль-ный характер. Как таковые, они, конечно, висели в воздухе, ибо поддерживать существование капиталистического государ-ства путем уничтожения капиталистической собственности — чистейшая утопия.

Не только военно-промышленные советы в Германии пред-ставляют собою такую причудливую комбинацию государствен-наго регламентирования и частно-капиталистической инициа-тивы. Если бросить беглый взгляд на весь хозяйственный аппарат регулирования промышленности во всех воюющих ка-питалистических странах — везде замечается все тот же компро-мисс между властью и частно собственническими интересами. Принудительный угольный синдикат в Германии, об'единение банков в Германии и Австрии, государственный контроль над производством во Франции — везде бросаются в глаза одни и те же персонажи правительственных комиссаров, банковских деятелей и крупнейших промышленных дельцов.

Вполне понятно, что такая конструкция хозяйственнаго аппарата давала возможность предпринимателям извлекать зна-чительную прибыль из капиталов, вложенных в военныя пред-приятия. В особенности увеличивали свою прибыль предприятия, работавшия на «оборону» страны, т. е. как раз те, которыя функционировали наиболее непроизводительно. Так, например, годовая прибыль трех крупнейших предприятий орудий и снарядов в Германии — Фридр. Круппа, завода Манзера в Оберн-дорфе и немецкой фабрики орудий и снарядов в Берлине — извлекли следующия величины прибыли по годам (в сумме): [1]

годы.	годовая прибыль в марках	в %% акц. кап.	в %% к собст. капит.
1912/13	50,452.993	25.61	20,20
1913/14	39.811.972	20,21	15.70
1914/15	94.528.507	41,19	32,46

Не малую прибыль извлекали, однако, и другия, не столь смертоносныя отрасли производства. Группа «точной» механики

[1]) Таблица взята из статьи А. Аникста «Вестник Металлиста», № 4—5 за 1918 г., стр. 68.

и маленьких машин (вероятно измерительных приборов. А. Г.) дает нам следующия колебания прибылей:[1])

	годовая прибыль в марках	в % акц. кап.	в %% к собст. капит.
1912/13	6 746.601	27,37	18,55
1913/14	7.032.860	25,44	17,27
1914/15	10.083.623	34,01	24,42

Что касается Соединенных Штатов, то рост прибылей их предприятий проявил чисто американский размах. Доходы стального треста колебались в начале войны в следующих цифрах [2]).

	I четв.	II четв.	III четв.	IV четв.
1914 г.	12,2 м. д.	13,3 м. д.	14,7 м. д.	8,0 м. д.
1915 г.	6,6 » »	20,3 » »	30,3 » »	40,9 » »
1916 г.	51,2 „ „	—	—	—

За два года чистый доход Стального Треста поднялся с 12,2 миллионов долларов до 51,2 милл. долл., т. е. более чем в четыре раза. На этом однако, рост прибылей треста не остановился и в третью четверть 1916 г. дошел до 83 милл. долларов.

д) Перспективы регулирования.

Выше упоминалось, что денежная система оторвалась от своего фундамента. Это тем более верно по отношению к предпринимательской прибыли. Предпринимательская прибыль военной эпохи не очень похожа на довоенные доходы капиталистов. Довоенная прибыль имела некоторый общественный и, пожалуй, на худой конец, личный смысл. Владелец прибыли не может с'есть 20 обедов и одеваться в 100 костюмов. Он употребляет часть своего дохода либо на дальнейшее расширение предприятия, в котором он заинтересован, либо на оборудование новых промышленных предприятий, словом на общественно-полезную функцию. Во время войны владелец прибылей не может так свободно располагать своими деньгами.

---

[1]) Таблица взята из статьи А. Аникста «Вестник Металиста», № 4—5 за 1918 г., стр. 68.

[2]) Лурье, „Страна победительница“ «Сев. Записки», 1916 г., № 9.

Новыя предприятия, да и вообще развитие производства находится в руках государства. Несмотря на то, что капиталистическое государство не решается решительно ограничить предпринимательскую прибыль, оно создает условия, в которых невозможно общественно-полезное применение этой прибыли. Стремясь удовлетворить обычныя требования одного (предпринимательскаго) класса, власть удваивает или утраивает ухудшение положения остальных классов общества. Применяя правильно первую половину системы общественной организации хозяйства, власть вторую половину строит на усилении личнаго денежнаго дохода небольших групп населения.

Мы видели, однако, что усиление этого личнаго дохода не всегда может принести пользу даже владельцам его. Регламентирование потребления не позволяет рантье приобресть излишек одежды или обуви, а классовый паек лишает его возможности пообедать сытнее нежели рабочаго. К этому надо еще присовокупить, что передовыя страны Запада об'явали еще в 1915 г. борьбу с роскошью. В феврале 1916 г. ввоз целого ряда предметов, потребляемых богатыми слоями населения Германии, был воспрещен[1]. Вскоре началась кампания за ограничение ввоза и производства предметов роскоши и в Англии. Приблизительно в то же время законопроект о воспрещении ввоза в Россию некоторых предметов роскоши на 3 года был внесен и в Государственную Думу[2]. Конечно, из всякого положения есть выход. Увеличение денежного дохода целой группы населения (хотя и незначительной по количеству) создаст самую прочную базу для „нелегального" товарообмена. Этот „выход" в корне подрывает всю систему государственного регулирования народного хозяйства и, конечно, отнюдь не спасает ни экономический организм страны, ни государственную власть. Развитие „спекуляции" в новой ея форме нелегальной торговли стало обычным явлением во всех воюющих странах Европы. Эта спекуляция питается одним ос-

[1]) Главнейшие из этих предметов, следующие: а) вина, ликеры, виноград, изюм, мандарины, ананас, ваниль, икра, омары; б) тюль, батист шелк, перья, искусств. цветы, меховые товары, шляпы, веера, драгоценные камни; в) благовонныя масла, живые цветы, роговые предметы, папиросная бумага; г) игрушки, музыкальные инструменты, картины, чеканныя изделия и т. д. (См. „Нов. Экономист", 1916 г., № 15).

[2]) „Нов. Экономист", 1916 г., № 15.

новным фактором современной экономической системы: оторванностью денежного обращения от процесса товарообмена и производства хозяйственного организма страны. Хозяйственное развитие теперь не может уже итти вспять к свободной торговле. Слишком сильно всеобщее истощение производительных сил, явившееся следствием войны. Единственным выходом может быть только устранение тех „погрешностей", которыми страдает система регулирования промышленности. Но устранение спекуляции не достигается голой фиксацией цен уже просто потому, что спекулятивные цены суть нелегальные цены; они идут помимо и во всяком случае в самой отдаленной связи с ценами таксированными.

Не фиксация цен, а полное устранение цен необходимо для действительного приспособления товарообмена к производству в системе организуемого государством хозяйства. Вольный рынок должен быть умерщвлен не постановлениями о потребительных в расширительном смысле пайках, даже не постановлениями о национализации торговли,—и того и другого недостаточно,—а уничтожением денежной формы личного дохода. Необходимо довести систему регулирования производства и потребления до конца и связать обе части этой системы. Государство, ставшее одновременно на путь регламентации потребления и регулирования промышленности, такое государство должно неизбежно принять и последний элемент этой троицы: ликвидацию денежного обращения и переход к форме непосредственного распределения продуктов между потребителями. Не касаясь здесь вопроса о формах распределения товаров, служащих сырьем, топливом и орудиями производства[1]), нужно только сказать, что *новыя формы распределения предметов личного потребления подводят нас к проблеме натурализации личного дохода и в том числе заработной платы рабочих*.

[1]) Распределение сырья и орудий производства уже потому не может производиться за деньги, что предприятия фактически находятся в руках государства. Государственная власть в Европе встанет перед неизбежным фактом окончательном оформления этой новой формы собственности и перед необходимостью распределения таких товаров приблизительно на тех же основаниях, как центральный заводский магазин распределяет инструмент и материалы между цехами.

Натурализация заработной платы.

а) Система регулирования и система собственности.

Система регулирования промышленности и товарообмена выявила в Западной Европе свое внутреннее противоречие Поступлений в развитии народного хозяйства не може быть: не может случиться, чтобы мы вернулись снова н сравнительно длительный период времени к эпохе свободно конкуренции сил и к соперничеству частно-предпринима тельской инициативы. В этом отношении война сыграл несомненно громадную положительную роль. Она заставил капитализм проявить одновременно самыя отвратительны стороны своего существа, те элементы его деятельности которыя с неслыханной энергией разрушают жизнь совре менного человечества и основы его производства. Война ж заставила, однако, капитализм указать путь к будущему, со зидая такия формы регулирования народного хозяйства, ко торыя в своем дальнейшем развитии только и могут поднят жизненные силы общества, но которыя вместе с тем при водят к отрицанию самого капитализма.

Беглый обзор государственного регулирования в Германи и других воюющих странах подтверждает это положение Государственное регулирование пришло в противоречие теми формами собственности, которыми это регулировани сопровождается. Производство в Германии во время войн находилось (и находится) фактически в руках государства Государство строит новые заводы, усиливает или сокращае не только отрасли производства военного снаряжения, но любыя другия индустрии вплоть до сельского хозяйства включительно. Наряду с этой все усиливающейся экономи ческой ролью государства — система нетронутой частно

собственности [1]), которая вредит не тем, что доставляет собственникам барыши—это было бы наименьшим злом—а главным образом тем, что пресекает и противодействует дальнейшему развитию государственного вмешательства в народно-хозяйственную жизнь. Не успела еще Германия развернуть сполна систему государственного регулирования, как со стороны целого ряда торгово-промышленных организаций посыпалась масса резолюций о том, что с ликвидацией войны необходимо снова вернуться к „свободе экономических отношений". И даже творец и вдохновитель „военного социализма", призидент „Всеобщей Электрической Компании", Вальтер Ратенау неоднократно заявлял, что вся система регулирования носит временный характер и возстановление международных связей должно „освободить" человечество и личную инициативу от оков государственной регламентации.

Регулирование товарообмена и организация потребления отдает в руки государства и муниципалитетов весь торговый аппарат страны. Фиксированныя цены, контроль над торговлей, централизация кухни жилища и пр. элементов потребления, ликвидация мелких предприятий—все это дает вполне ясную и точно определенную тенденцию к переходу всего аппарата обмена в руки исполнительных органов общества. Эта тенденция непреодолима. Вместе с тем, однако, в стране квалифицированного регулирования товарообмена и муниципализации потребления бросается в глаза неприкосновенность частной собственности. Германское правительство за систему монополий, но монопольныя права передаются частным торговым обществам. Монополия вывоза картофеля из Познани передается в 1915 г. акционерному обществу. Точно также предоставляется частным обществам монопольное право производства картофельной муки, ввоза и распределения тканей, керосина и пр. Тут разница между деятельностью государства и частной инициативой самая ничтожная, почти формальная.

---

[1]) Писано до момента революции в Германии.

Возмьем другой пример: в Германии введена всеобща трудовая повинность; там же введена впервые в мире си стема классового пайка. Все трудятся, и потребление все граждан регламентировано. Однако, наряду с этим *рента* [2]) *прибыль рантье* и денежная заработная плата, как форм личного дохода, сохранены в неприкосновенности. Како смысл имеют эти старыя формы личного дохода при тру довой повинности и при ограничении потребления? Однако было бы ошибкой полагать, что оне не имеют никаког смысла. Их глубокий смысл заключается в том, чтобы, пре доставляя рантье излишек денежных средств, позво лить ему обходить как законы о трудовой повинности, та и постановления городских самоуправлений о продоволь ственных нормах.

Система личного дохода оторвалась от системы произ водства и товарообмена. Но не ясно ли, что не только си стема денежного дохода, но вся система денежного обра щения потеряла почву в народно-хозяйственной жизни? Уп лата деньгами за товары потеряла всякий смысл при на личии государственного регулирования промышленности обмена. Раз производство и распределение товаров нахо дится в руках государства, то товары перестают быть това рами: они становятся просто продуктами общественног производства. Их товарное свойство, т. е. способность обме ниваться на другие товары, а следовательно и на деньги отпадает.

Денежная система и капиталистический товарообме держатся исключительно потому, что «государственныя тендекции в народно-хозяйственной жизни Запада не нашл еще своего завершения. Европа стоит на полпути; более того она почти у цели, но нерешительность государственно власти, опирающейся на различныя группы рантье, порват с интересами этих групп связывает нас с денежным обра щением и всеми спутниками этих методов товарообмена.

---

[2]) Под „рентой“ мы в данном случае подразумеваем все виды нетрудового дохода.

б) Отживания денежного обращения.

Отживание денежной системы было замечено уже несколько лет назад, спустя 1—$1^1/_2$ года после начала войны. В России, даже буржуазный экономист проф. Мигулин отметил, что деньги, как средство товарообмена, теряют оправдание своего существования [1]). Проф. Мигулин полагает, что золото будет храниться в государственных казначействах Европы и будет выступать только один раз в год или вдругой оборотный период для расчета между экономически связанными державами. В промежутках между этими моментами государства будут обмениваться продуктами производства и вести систему записей и взаимных бухгалтерских погашений долгов, вроде того, как это делал знаменитый лондонский расчетный банк, который централизовал счета различных торговых фирм и путем взаимного погашения счетов различных контрагентов значительно сокращал перелив денежной залюты и наличный расчет.

Проф. Мигулин упустил однако из виду, что в тот момент, когда деньги потеряют свое оправдание на год,—они потеряют свой смысл навсегда. Если момент наличного расчета можно отсрочить на год, то трудно найти серьезныя препятствия для отдаления этого момента еще на год, два и т. д., до безконечности. Фиксированный срок расчета не является экономически непреодолимым для обменивающихся стран. Но важнее всего то обстоятельство, что государство, которое в течение года (или оборотного периода вообще) принимало товары за товары, — такое государство не захочет по истечении года принять долг золотом. Золото — меньше всего товар и меньше всего продукт, годный к потреблению. Оно имеет смысл в наше время только как деньги, счетная единица. Вряд ли найдется, поэтому, такая страна, которая вела бы финансовую политику с курсом на приобретение золота. Пример Швеции, издавшей во время войны законы, затрудняющие ввоз золота, — лучшее тому доказательство.

---

1) „Новый Экономист", 1915 г. № 50, проф. Мигулин, „Золотой Фетиш".

То же самое, что можно было сказать о золоте, целиком применимо, само собою разумеется, и к бумажным деньгам и ко всякаго рода иным монетам. Государства Европы подошли к тому моменту своего развития, когда меркантильная политика не может уже иметь никаких шансов на успех. Каждая страна заинтересована в ввозе продуктов и в развитии собственного производства. А все страны вместе очевидно заинтересованы в общем под‘еме производительности человечества. Мир и возстановление экономических связей подводят нас от системы национально-государственного регулирования народного хозяйства к системе мирового централизованного регулирования производства и обмена. Тут денежная система должна целиком замениться центральной статистически-расчетной конторой.

Точно также, как денежная система потеряла свой смысл в товарообмене вообще, она потеряла свой смысл и как уплата за самый основной товар—рабочую силу. Денежная заработная плата предполагает наличность частных торговцев и владельцев предметами потребления рабочих. Она предполагает наличность свободной торговли этими предметами и уплаты за них денежной монетой. Однако, век свободной торговли, как мы видели, отживает. „Торговля“ все больше становится функцией государственной власти и даже в тех случаях, где частно-владельческий торговый аппарат находится только под контролем государства, фактическое руководство товарообменом подлежит последнему. Но мы уже видели, что *развитие государственного регулирования товарообмена наизбежно ведет к полной национализации торговли*. В таком случае государство, финансирующее производство и выдающее рабочему предметы потребления, заинтересовано в том, чтобы денежная система оплаты труда была заменена системой расчета и взаимных погашений долгов.

Система расчета между государством и рабочими по выдаваемым рабочему предметам потребления и есть, в сущности говоря, натурализация заработной платы. Ниже мы увидим, видоизменения этой системы.

Взаимныя погашения долгов выгодны однако не только государству, но и рабочему. В особенности в России рабочие страдают от того, что денежная заработная плата еще не ликвидирована. Государственная организация продовольствия у нас еще слишком слаба. В целом ряде промышленных районов, в самых крупных заводских центрах, деятельность продовольственного аппарата почти совершенно не чувствуется. Лето 1918 г. будет памятно рабочим Петрограда и Москвы, а также рабочим таких сравнительно отдаленных заводских районов, как Выкса, Кулебаки и даже Сормово и Коломна, как наиболее тяжелый и наиболее мучительный период голодного существования. Государственная монополия хлебной торговли, об'явленная еще в 1917 г., фактически не существовала. В упомянутых только что районах продовольственные организации выдавали изредка по $^1/_8$ или $^1/_4$ ф. хлеба в день на взрослого человека, а в отдельных заводских районах иногда не выдавали хлеба по месяцам. Точно также обстояло дело с мясом, всякого рода крупами, сахаром и пр. продуктами. Нам известны десятки и десятки случаев, когда рабочие падали с голоду в обморок у станков и физически не в состоянии были работать. К сожалению, заводская статистика, вообще не налаженная в предприятиях, не регистрировала с достаточной точностью и эти явления. Обследование некоторых крупнейших заводов металлической промышленности Центрального Района вскрыла ту бездну несчастья как для государства, так и для рабочих, которая вызывается голодом. Слабость государственной хлебной монополии, с одной стороны, наличность денежных знаков на руках у рабочих, с другой стороны, оставляли у рабочих, занятых в отдаленных от хлебных районов предприятиях, такое представление, точно им выдали груду бумажек и бросили на произвол судьбы в голодной пустыне.

В связи с этим на некоторых заводах летом 1918 г. мы наблюдали ряд забастовок и укрепление антисоветского настроения. „Надо кормить рабочего не только „керенками“, но и мучицей“—говорили повсюду рабочие. На многих заводах были вынесены резолюции с требованием созыва Учреди-

тельного Собрания. Последующия события и перемена поло жения с продовольствием воочию показали. что все эти события имели своей подкладкой продовольственный вопрос

Вмесге с тем отсутствие хлеба вынуждает рабочих бросать работу и отправляться в путешествие за продовольствием. Идея „продовольственных отрядов", провозглашенная в Москве, задолго до этого была уже осуществлена Выксунскими и Коломенсими рабочими. Из Выксы рабочие поехали за хлебом на баржах с пулеметами еще до того, как право самостоятельных закупок было в принципе разрешено Конечно, такия поездки тяжело отзывались на заводской производительности. Началась эпоха „продовольственных" прогулов. На Коломенском заводе в одном цехе продовольственный прогул за июль месяц достиг 72% рабочего времени. Чрезвычайной Комиссии по обследованию Коломенских заводов докладывают, что еще в мае месяце „некоторое время рабочие ездили за хлебом и привозили его. Но в последнее время их постигли неудачи. Тамбовские, Казанские и др. комиссары не считаются с удостоверениями местных властей и реквизируют хлеб и другие продукты. Хлеба долгое время нет. На почве истощения частые случаи заболевания, а также и смерти". Надо отметить, что безтактное поведение местных властей вызвало как раз в это время на заводе забастовку, которую впрочем удалось легко ликвидировать. Директор завода Г. К. Шнейер докладывал той же комиссии: „Тот факт, что рабочие в течение 4 недель получали по 1/2 ф.[1])хлеба повлек за собою установление такого порядка: служащие и мастера сами ездили за хлебом. В оследний раз у них отняли хлеб, они вернулись без хлеба и без денег, что, конечно, очень озлобило рабочих. Что касается запасов топлива и металла, то в данное время завод безпечен ими по крайней мере на месяц. *Если бы не обострение продовольственного вопроса, то можно было бы работать. Предполагалось производить до 25 паровозов в месяц*".

Чрезвычайная Комиссия по обследованию Кулебакского завода пишет в докладе Президиуму В. С. Н. Х. [2]): „Вы-

[1] Впоследствии и этого не было. Комиссия была в Коломне в конце мая.

[2]) „Народное Хозяйство", № 8—9 за 1918 г., стр. 62.

яснилось что пр имеющихся запасах топлива и материалов, возможности пополнения недо тающего того и другого, при вполне наладившихся хороших отношениях и вполне продуктивной работе рабочих организаций с заводской администрацией, заводу грозит полнейшая остановка работ, если не будут приняты самые радикальные меры к улучшению снабжения завода продовольствием. Рабочие, истощенные голодным пайком (20—14 золотников за последнее время), уходят с завода, а так как заменить ушедших некем, то работу в некоторых цехах за отсутствием людей приходится сокращать". Эта же комиссия сообщает: Не получая долгое время ответа на телеграмму (посланную Комиссией в Москву с просьбой о продовольственной помощи заводу) рабочие 19 июня об'явили забастовку протеста, и завод не работал несколько дней

Надо удивляться железной выдержке и выносливости пролетариата, который при таком голоде находил в себе достаточно сил не только для того, чтобы отбиваться на нескольких фронтах от наседающих врагов, но и для того, чтобы проводить на тех ж заводах и фабриках нормирования производительности своего собственного труда.

в) сущность натурализации.

Стихийные искания рабочими массами выхода из продовольственного тупика показали здоровый инстинкт русского пролетариата. Новое организационное творчество пошло как раз по тому пути, который можно было бы предсказать, основываясь на теоретическом исследовании регулирования товарообмена. Железнодорожный пролетариат первый приходит к мысли о необходимости замены денежной системы заработной платы натуральной. Летом 1918 г. он создает специальную организацию „Продовольственное Бюро" („Продпуть"),—в задачи которого входит, главным образом, снабжение железнодорожников предметами продовольствия. „Продпуть" сам организует заготовку хлеба и других продовольственных продуктов.

Как организация „самочинная", выросшая стихийным путем, вследствие непреодолимого тяготения рабочих к на-

турализованной заработной плате, „Продпуть“ сумел добиться за короткий промежуток времени довольно значительных успехов. Ниже приводятся некоторые цифры о деятельности „Продпути“.

Торговый оборот «Продпути» за ноябрь 1917 г. и июнь 1918 г.[1]

1. Покупка товаров.

МЕСЯЦЫ	Куплено на сумму	%-ное отнош. мест. закупок	Колич. рабоч. днея в месяце	Средний размер покупки за рабоч. день	%-ное отнош. средних дневных закупок
Ноябрь	153204.12	0,5	25	6128	0,4
Декабрь	252934.58	0,8	25	10117	0,6
Январь	1871298.72	6,1	25	74848	5
Февраль	2564363.22	8,3	12	213697	15
Март	6362453.16	20,7	27	235646	17
Апрель	6795537.26	22,2	25	271821	19
Май	6972954.82	22,7	17	410172	28
Июнь	5695478 67	18,7	25	227819	15
Итого	30668124 55	100%	181	169454	100%

2. Продажа товаров.

МЕСЯЦЫ	Продано на сумму	%-е отнош. месячн. продажи	Колич. рабочих дней в месяц	Средний размер продажи за рабоч день	%-е отнош. средних дневных продажи
Декабрь	47330.29	0,1	25	1093	0,1
Январь	99715.31	0,4	25	3988	0,3
Февраль	1326494.57	6	12	110541	10,4
Март	3903597.45	16,5	27	144575	13,6
Апрель	9465041.45	41	25	378602	35,6
Май	4705931.32	20	17	276819	26
Июнь	3686189.96	16	25	147448	14
Итого	23214300.3	100%	156	148809	100%

[1]) „Продпуть“, 1918 г., № 6, стр. 31—32.

Здесь важно, однако, отметить не те или иные успехи продовольственной организации железнодорожников. Надо констатировать, что стихийное движение рабочих масс обнаружило явную тенденцию, во-первых, к государственной организации торговли и, во-вторых, к натурализации заработной платы. *Никогда еше ценность денег не падала (по крайней мере, психологически) так низко, как в тот момент, когда широкие народные массы решительно отвергли тактику повышения номинальной заработной платы и ребром поставили вопрос об оплате труда натурой.*

Движение в пользу натуралиции заработной платы не надумано: оно идет из низов. Вооруженные продовольственные отряды, о которых упоминалось выше, представляют собою только уродливую первичную форму несомненно здорового процесса стремления к натурализации заработной платы. Организацией этих отрядов, а позже „Продпути“, „Нацпродцентра“ (продовольственная организация национализированных машиностроительных заводов) и других продорганов рабочий класс как бы говорил всем остальным классам России: „Вы хотите, чтобы мы работали и питали Россию железом, паровозами, тканью и прочими индустриальными продуктами. Великолепно, но в таком случае мы желаем, чтобы и вы нас питали не бумажками и даже не золотом, а хлебом, мясом, крупой и т. д., и т. д.“. В этом несомненное право рабочих. Производительность труда пала, это несомненно, но смешно было бы спорить о том, какую задачу сперва разрешить: подвозить ли рабочим продовольствие или предварительно требовать от них увеличенного выпуска паровозов, плугов и проч. Это был бы спор о курице и яйце. Надо, несомненно, одновременно организовать усиленное питание рабочих и нормировать их производительность. Никакие условия и договоры не могут быть обязательны для человека, падающего от истощения в обморок у станка.

Дальнейшее развитие продовольственных организаций приводит нас к совершенной форме натурализованной заработной платы. Постоянные выдачи хлебных, мясных и проч.

порций неизменно сопровождаются соответствующими вычетами из заработной платы рабочего. Если представить себе, что дневная заработная плата какого-нибудь работника, скажем, токаря, равна 20 руб., то мы могли бы разложить эти 20 р. на составные элементы. Мы сказали бы (приводя грубые цифры), что эти 20 руб. составлены из

3 р. — хлеба, т. е. расходуемых ежедневно на хлеб;

4 р. — мяса;

1 р. — круп;

2 р. — квартиры;

50 к. — табаку;

50 к. — освещения;

50 к. — отопления и т. д.

Мы можем себе представить далее, что, начиная с известного месяца, этому рабочему аккуратно доставляется хлеб, мясо и крупа. Конечно, соответственно этому снабжению названными продуктами, из его жалованья будут производиться регулярные вычеты в размере:

3 р. за хлеб в день
4 „ „ мясо „ „
1 „ „ крупы „ „

8 р. за день,

т. е. 96 р. за расчетный период (12 раб. дней).

Нас совершенно не интересует сумма вычета. Она может быть равной 96 р. или какой либо другой цифре, — это совершенно безразлично. Важно однако то обстоятельство, что денежная заработная плата уменьшилась на составную часть рабочего бюджета, расходуемого на хлеб, мясо и крупы. Для нас очевидно, что эти продукты не подлежат торгу и будут выдаваться рабочему, постоянно до тех пор, пока го-

сударство этими продуктами обладает. При системе натурализации не может быть разговоров о том, заслужил ли рабочий данную порцию хлеба, или он ее не выработал. Эта порция признается необходимым условием для работы и будет отдаваться в распоряжение рабочего при всех положениях. *Единственным препятствием может оказаться только отсутствие данных продуктов в руках государственной власти.*

Иначе говоря, при натурализации заработной платы количество выдаваемых продуктов при нормальных условиях не может падать. *В этом смысл и оправдание натурализованной оплаты труда.* При денежной сисстеме я в январе заработал 300 р. и живу сносно, а в феврале 200 р. и обречен с семьей на голод. Натурализация заработной платы угрожает мне голодом только в том случае, если голод грозит всей стране и всему населению в целом. При натурализации невозможно социальное неравенство. *Система натурализации в корне отвергает куплю и продажу труда и воздает каждому по его минимальным потребностям, а всей стране по ее производительности.*

Уничтожение купли-продажи рабочей силы вносит целый переворот в социальные отношения. Может быть правильнее будет сказать, что оно довершает переворот в социальных отношениях, ибо начало этого переворота должно быть отнесено к первым попыткам военно-государственного регулирования промышленности. Первый и непосредственный эффект уничтожения купли-продажи рабочей силы заключается в изменении самих методов расчета заработной платы. Отныне заработную плату нельзя будет исчислять в рублях. Даже в первый период натурализации, когда натурой будут выдаваться далеко не все предметы потребления рабочего,—уже в этот первый период,—чем дальше, тем значительнее будет тот материальный минимум (выраженный в единицах потребления), который будет гарантированным минимумом и не сможет входит в состав изменяющейся величины денежной оплаты труда.

Поясним это на простой аналогии. Всеобщее безплатное обучение дѣтей означает воспитание подростающего поколения

за счет государства. Независимо от величины заработка кормильца семьи и независимо от его забот – государство принимает на себя все расходы и заботы по обучению ребенка. Точно так же мыслим мы себе и организацию потребления рабочих. *Государство принимает на себя организацию потребления важнейших предметов независимо от величины бывшего денежного заработка потребителя*, ибо предполагается, что в благоустроенной стране не надо угрожать работнику лишением пищи, одежды и т. п. за недостаточную производительность. Государственная организация потребления будет расширяться по мере повышения производительности труда. В случае же падения производительности рабочий почувствует лишение не в виде угрозы, а в виде реального факта в тот момент, когда страна, действительно обнищает и не сможет ему представить гарантированного продукта.

Государство и кооперация.

Натурализация заработной платы есть метод организации народного потребления. Но одним из способов организации потребления является также потребительская кооперация. Какую роль играют кооперативы в натурализации?

Здесь мы подходим к одному из важнейших вопросов современной экономической жизни. Громадные организации, сложившиеся в результате десятков лет деятельности рабочих и иных слоев потребителей, становятся лицом к лицу с новой тенденцией организации потребления.

Потребительские кооперативы сложились, главным образом, как организации борьбы низших слоев общества против дороговизны предметов первой необходимости. Однако, в более ранних стадиях капитализма мы встречаемся с такого рода потребительскими кооперативами, которые вряд ли могут быть охарактеризованы, как организации борьбы трудовых масс за улучшение своего положения. Всем памятны фабрично-заводския лавки, организовавшиеся предпринимателями и у нас в России в конце XIX и в первом десятилетии XX вѣка. Рабочие об'единялись вокруг этих «кооперативов» почти принудительным путем. В сущности

оворя, организация заводской лавки напоминает собою науралaизацию заработной платы. Выплата заработков натурой ем более напоминает собою натурализацию, что во многих лучаях сроки денежной расплаты с рабочими были до того родолжительны, что терялась всякая грань между денежной и натуральной системой оплаты; в России, например, первой половине 1880 г. наблюдались следующие сроки асплаты с рабочими: [1])

	число случаев	в %
Еженедельно	61	11,5
2—3 раза в месяц	24	4,5
Ежемесячно	218	40,7
Более продолж. срок или неопределенное время	233	43,5

Около 85% падает на случаи с ежемесячной и большей родолжительностью сроков расплаты с рабочими. Иначе оворя, сроки расплаты обнаруживают несомненную тенденцию к разрыву с денежной формой оплаты вообще и к переходу к системе оплаты труда исключительно натурой.

Тем не менее не подлежит сомнению, что фабрично-задские лавки старой формации и система расплаты товаами ни к коем случае не могли считаться верным методом рганизации потребления народных масс. Выше было скано, что натурализация заработной платы уничтожает сиему купли-продажи труда и означает собою государственое обезпечение рабочих необходимыми предметами продоольствия. Находим ли мы эти признаки в системе расплаты варами?

Фабричные лавки, отметим этот факт прежде всего, провали товар рабочим. Правда, стоимость товара высчитылась из его заработной платы, но как всякая продажа това, и эта продажа сопровождалась повышением и понижением варных цен, переплатой потребителя сверх стоимости тора. В отличие от государственной организации потребле-

---

[1]) Прокопович. «Кооперативное движение в России», стр. 323.

ния расплата товарами подвергает потребителя всем тем последствиям спроса и предложения, какими характеризуется всякий частный рынок.

Самое главное отличие расплаты товарами от натурализации заключается в том, что первая система не только не устраняет купли-продажи труда, но, наоборот, усиливает эксплоатацию наемной рабочей силы. «По сведениям фабричных инспекторов—говорит С. Прокопович—цены в фабричных лавках были выше рыночных на 10—20%, даже на 50—100%»[1]. «В громадном большинстве фабричная лавка является для владельца фабрики побочным предприятием при фабричном деле, причем иногда даже трудно разобрать, лавка-ли существует при фабрике или фабрика при лавке, доставляя последней лишь определенный контингент покупателей, не имеющих права торговаться в цене товара и требовать от нем хорошего качества, а принужденных брать, что дадут, и платить, что возьмут». [2])

Рабочие боролись против системы расплаты товарами и добились уничтожения ея. Однако, со смертью этой системы вовсе не умерли попытки коллективной организации потребления. Следующей стадией явилась организация кооперативных потребительных обществ. Освободившись от хозяйской опеки в потреблении, рабочие стали сами организовывать общества с добровольным участием желающих лиц. На первых ступенях своего развития кооперативы обращали главное жало против посредников, заставляющих рабочих переплачивать известный излишек сверх товарной стоимости. Общественная польза кооперативов заключается в том, что они разрушили систему мелочной кустарной торговли и примитивного посредничества и указали новые пути организации распределения, связанные с массовой заготовкой товаров и привлечением демократических элементов к финансированию торговли. Благодаря деятельности кооперативов общество имело возможность сэкономить значительную массу полезного труда, расходовавшегося ранее на оплату всякого рода посредников.

---

1) „Кооперативное движение", стр. 322.

2) Там же, стр. 323.

Дальнейшее развитие деятельности потребительных об-
ществ дало толчек самому торговому капиталу. Капитали-
стическая инициатива, боровшаяся раньше с кооперативами
кустарным методом мелочных лавочек, стала проявлять ши-
рокий размах. Одним из первых шагов борьбы капиталисти-
ческих посредников с кооперативами было - организация
универсальных магазинов.

Магазины A Bon Marché в Париже и «Мюр и Мерилиз»
в Москве являются типическими представителями «универ-
сальных» магазинов. Но универсальные магазины, соеди-
няющие в себе черты крупных оптовых складов и обслужи-
вающих индивидуального потребителя распределительных
пунктов (мелочных лавок), требуют большой затраты капитала.
Они неудобны также тем, что заставляют потребителя при-
ходить в магазин, расположенный обыкновенно в центре
города. Поэтому, крупно капиталистическая торговля скоро
перешла к так наз «многолавочной системе». Эта система
представляет собою нечто вроде применения идеи трестиро-
вания в сфере обмена. Во многих случаях, такие «торговые
тресты» соединяются с действительными производственными
трестами и выступают как могущественное замкнутое хо-
зяйство, обезпечивающее себя собственным сырьем, произ-
водством, обычно также и собственными перевозочными сред-
ствами.

Борьба с такого рода об'единениями не под силу потре-
бительским кооперативам. Самый высший и самый героиче-
ский акт кооперативной борьбы выражается в организации
оптовых закупок и собственного производства. Вполне по-
нятно, что в тот момент, когда капиталистический посредник
об'единяется с капиталистическим производителем, особенно
в эпоху трестов и синдикатов, монополизирующих произ-
водство, в этот момент массовая закупка универсальными
магазинами товаров дает им перевес в борьбе с кооперати-
вами. Капиталистический посредник приобретает возмо-
жность продавать потребителю товар лучшего качества или
по более дешевой цене. В этом случае не спасает также
организация собственного кооперативного производства. Не
следует ведь забывать, что кооперативы опираются на город-

скую бедноту. Кооперативный пай в рабочем потребительном обществе не дает возможности широко развернуться. Финансовая организация кооперативов безусловно слабее финансовой организации капиталистических трестов, и надо бросить иллюзию, будто кооперативы смогут когда-нибудь состязаться в этой области с предпринимательскими об'единениями. Конкурренция между кооперативами и трестом всегда даст в конечном счете победу последнему.

Эта слабость кооперативов должна быть отнесена не только к отрасли заготовки и распределения товаров, *Преимущества финансового аппарата предпринимателей решает исход борьбы во всех отраслях и прежде всего в сфере организации собственного производства.* Многие смотрят с умилением на крохоборческую работу кооперативных союзов по организации собственных мельниц, мыльных заводов, булочных и пр. В ответ на такие предприятия капиталисты, опирающиеся на хорошую банковскую организацию, дают практику трестов, связаную с многолавочной системой. Можно положительно утверждать, что в стране, где капиталу удалось создать хорошую банковскую систему, кооперативы не могут иметь никаких надежд на будущее.

Очевидно, борьба должна быть перенесена в иную плоскость. Она становится борьбой за уничтожение банковского аппарата капиталистов. как главного рычага предпринимательских „танков", действующих против кооперативов. *Но уничтожение капиталистических банков может быть достигнуто не кооперативными методами и не террористическими, конечно, актами, а захватом политической власти пролетариатом.*

Однако, в том момент. когда политическая власть переходит в руки пролетариата, а банковский аппарат оказывается в руках пролетарского правительства, в этот момент вся борьба за кооперативное распределение и за кооперативное производство приобретает совершенно новый, непредвиденный характер и переносит нас в сферу совершенно новых вопросов. *Связь распределения с производством и об'единение распределительного аппарата с производственным перестает*

быть вопросом кооперативной борьбы и превращается в грандиозную проблему государственной организации потребления.

Вывод ясен. При политическом господстве пролетариата кооперативная борьба подходит к своему логическому завершению. От потребительских обществ мы подошли к государственной организации потребления. Практика государственнаго регулирования подготовляет пролетариат к новой миссии, выпадающей на его долю и в тот момент, когда он об'единяет в едином государственном центре все действовавшие до сих пор аппараты частных потребительских обществ. Он уже крепко держит в руках руль общественного производства.

г) Переходной период натурализации.

Противоречит ли идея натурализации заработной платы, практике поощрительной системы оплаты труда? Выше было уже сказано, что проведение натурализации означает на деле полное уничтожение заработной платы, как рыночной цены рабочей силы Поэтому, само собою разумеется, что чем успешнее будет подвигаться натурализация заработной платы, тем более ограничительна будет практика сдельных работ. [1])

Не забудем, однако, что лозунг сдельных работ является дальнейшим развитием другого лозунга: заработная плата определяется производительностью труда. Мы переживаем такое время, когда голод, недостаток всех продуктов, как индустриального, так и личного потребления заставляет нас считать проблему повышения производительности труда центральной задачей современной экономической политики. Эта проблема связана с рядом важнейших задач, из которых главнейшими являются снабжение предприятий и нормирование труда. Конечно, отдельного работника нельзя сделать ответственным за падение произво-

---

[1]) Сдельная система отнюдь не единственная форма поощрительной заработной платы. Но, в конечном счете, все виды премиальной, урочной, дифференциальной и пр. системы сводятся к оплате труду в зависимости от его напряженности, т. е. являются вариациями сдельной платы.

дительности цеха или всего завода. Но поскольку стран не изжила острого голода, ощущаемого теперь во всех отраслях народного хозяйства, она должна привлечь всех работников завода к разрешению задачи производительност Пусть каждый работник чувствует, что падение производительности его труда отзывается на благополучии всего общества, в том числе — на его собственном благополучии.

Натурализация заработной платы, как государственная организация потребления, будет тем успешнее осуществляться чем труд всего общественного организма в целом будет продуктивнее. Из этого следует, что для осуществления государственной организации потребления необходимо приложить все усилия к тому, чтобы поднять производительност всех элементов общества.

Представим себе, что на одном каком либо заводе пытаются произвести натурализацию заработной платы. Мы можем по отношению к данному заводу применить два метода. Первый: рабочим выдаются все необходимые им предметы потребления, независимо от производительности завода Второй метод: понижение производительности влечет за собой понижение заработной платы, выдаваемой рабочим предприятия. Если бы натурализация проводилась только по отношению к данному заводу, можно было бы применить любой метод. Можно было бы лишить продовольствия рабочих какого-нибудь другого завода или иную часть населения и выдать соответственное количество продуктов рабочим данного завода. Но такой способ совершенно не применим если натурализация задумана к проведению на всех предприятиях страны. Тогда понижение производительности механически вызывает и уменьшение продовольствия в стране и вынуждает государство сокращать продовольственный паек.

Поэтому, считаясь с тем, что главной проблемой текущего дня является общее поднятие производительности труда страна вынуждена проводить в качестве подготовительной меры к государственной организации потребления оплату труда соответственно его производительности. Это же обстоятельство заставляет относиться к натурализации крайн

сторожно. Очевидно, государство не может взять на себя разу заботу об удовлетворении всех потребностей рабочего. го трудно не только потому, что потребности человека райне разнообразны, но и потому, что страна не обладает достаточной мере всеми необходимыми для рабочего проуктами. Государство может взять на себя обезпечение олько некоторых потребностей рабочего и само собою разуеется, что оно должно взять на себя обезпечение основных го потребностей.

Таким образом, между чисто денежной системой заработной платы и государственной организацией потребления гране придется пройти еще промежуточную *стадию полунатурализации, полуденежной заработной платы.* Ясно до чевидности, что чем больше будет приближаться к разрешению проблема поднятия производительности общества, ак целого, чем богаче будет становиться страна, тем все ольше и больше будет возрастать часть заработной платы, ыдаваемой натурой, ибо обезпечить рабочего страна сможет только теми продуктами, которые имеются в ее распряжении. [1]).

Скала движения натурализованной заработной платы будет ля рабочего тем чувствительным барометром, который будет оказывать возрастание или падение народного богатства. От его самого будет в некоторой степени зависеть поднять скалу. В этом смысле и на этой промежуточной стадии сдельная оплата труда, в особенности коллективного (цеха, завода или группы заводов) находит свой смысл и оправдание.

[1]) Здесь умышленно не затрагивается вопрос о финансовой политике осударства в связи с девальвацией. Необходимо, однако, упомянуть что по мере натурализации заработной платы все более будет ощущаться отребность в девальвации денег. Но девальвация в данном случае будет опираться не на золотой запас государственного казначейства, как это было до сих пор, а на величину действительного материального богатства страны.

Заработная плата и производительность труда

а) Военное распределение национального капитала и дохода.

Распределение национального капитала, имевшее место во время войны, способствовало усилению военных индустрий и индустрий с военными связанных. Эти отрасли промышленности являлись в военные годы непроизводительными по отношению к мирным, обычным потребностям населения. Выражаясь коммерческим языком, расходование производительных сил на обслуживание войны ложилось слишком большим накладным расходом на производство обычно необходимых общественному организму предметов. Чем больше длилась война, тем такие накладные расходы росли. Очень скоро они перевалили за миллионы фунтов стерлингов, подошли к миллиардам и начали угрожающе шагать по десяткам миллиардов.

Такое увеличение военных расходов производительных сил ударяло по воюющим державам не одной только дороговизной. Гораздо страшнее дороговизны—до прозрачности ясное и простое уменьшение национального капитала, обслуживающего мирные потребности страны, сопутствующее увеличению «военной» части этого капитала. Вполне понятно, что раз сумма (величина общественного богатства) дана, то увеличение одного слагаемого (богатств, приносимых в жертву войне) вызывает механически уменьшение другого богатства (богатств, необходимых для обычных потребностей страны).

Будем считать, что в мирное время страна не расходовала всех производимых ею за оборотный период времени (скажем за год) продуктов. Часть этих продуктов, в виде машин, зданий, приспособлений всякого рода, городского благоустройства, путей сообщения и т. д., оставлены в наследство грядущим поколениям. Эта величина, в высшей степени важная для народно-хозяйственной жизни, пусть называется *общественным сбережением*, или для данной страны, *национальным сбережением*. Национальное сбережение, ясно, может получиться только, как остаток от всей суммы производимых и расходованных за год богатств, которая

обычно называется *общественным (национальным) доходом.* Наконец, национальный доход, в свою очередь, составляет лишь часть всего имущества данной страны, независимо от того, находится ли оно в частных руках или в ведении государства, и полностью-ли оно в ведении государства. Вся сумма этого имущества, накопленного веками и есть *богатство страны* [1]). Посмотрим теперь, как отразилась нынешняя война на относительных величинах частей национального богатства. В № 2 «Новаго Экономиста» за 1916 г. мы находим весьма характерную таблицу:

Военные расходы и экономические ресурсы воюющих государств.

Государства:	Народное богатство	Ежегодн. народный доход	Ежегодн. народные сбережения	Военные расходы	Отношене воен. расходов. к нар. богат.	народ доход.	народ сбереж.
	В милл. фунт. стерлингов				В процентах		
Великобритания	18000	2250	375	1590	8,8	7,1	424
Франция	13000	1500	250	1915	14,7	128	766
Россия	12000	1500	250	1695	14,1	113	678
Италия	7000	850	125	410	5,9	48	328
Бельгия и Сербия	2750	350	60	265	9,6	76	442
Итого страны Согласия	52.750	6.450	1.060	5.975	11,3	93	564
Германия	16000	2100	350	2545	15,9	121	727
Австро-Венгрия	9000	1200	200	143	15,9	120	717
Турция и Болгария	1750	200	30	210	12,0	105	700
Итого страны Союза	26.750	3.500	580	4.190	15,7	120	722
Все воюющие государства [2])	79.500	9.950	1640	10.165	12,8	102	620

[1]) В переводе на коммерческий язык, богатство страны обозначало бы—капитал завода; национальный доход—валовую прибыль; национальное сбережение—чистую прибыль.

[2]) Кроме Америки и Румынии, которыя тогда еще были нейтральными.

Эти цифры являются вполне определяющими. Общий итог их показывает нам, что 10 государств, участвующих в нынешней войне, *совершенно лишены возможности делать какие-либо накопления хозяйственных богатств.* Они расходуют свыше чем в 6 раз (620%) более того, что они в мирное время способны были накоплять ежегодно. Иначе говоря, война ежегодно пожирает у них, во-первых, полностью все, что они могли бы накопить в течение года и, во-вторых, еще богатство, превышающее это накопление в 5,2 раза. Если раньше наши отцы и деды, трудом накопляя богатство, оставили в результате веков современному человечеству наследство, то мы в противоположность этому теперь ничего не производим для потомков. Мы все богатство расходуем на ведение войны.

Более того, мы извлекаем для войны еще и то наследство, которое оставлено нам предшествовавшими поколениями. Мы расходуем не только возможные сбережения. Приведенная таблица показывает, что воюющие державы расходуют вообще весь доход, который они могли бы получать из своего народного хозяйства. Европа расходует *102* % ежегодного народного дохода, это значит. что хозяйственная жизнь во время войны шла в холостую: весь получавшийся продукт пожирал Молох войны. Он не оставлял населению никаких припасов. не давал возможности строить новые мирные фабрики и заводы. Но ведь населению необходимо было чем-нибудь питаться. Война не уничтожает аппетита у мирных людей. Из каких же ресурсов питалась людская масса, если военные расходы превышали как возможные сбережения, так и национальный доход. Ясно, что население с'едало *богатство, накопленное годами, наследство старины.*

Чем дальше развивалась война, тем это проедание основного капитала страны все больше увеличивалось. Военные расходы росли с продолжением войны и абсолютно и относительно. Так. напр., ежемесячные военные расходы двигались во Франции по следующей кривой: [1])

---

[1]) М. Павлович, „Итоги Мировой войны“, стр. 17.

	Милл. франков в месяц.
1914 г.	1.318
1915 г.	1.900
1916 г.	2.743
1917 г.	3.360

В России та же картина увеличения ежемесячных расходов на войну [1]):

		милл. рублей в месяц.
1914 г.	первые месяцы войны	11.7
1915 г.	январь—июнь	19.0
	июль—сентябрь	22.0
1916 г.	до июля	35.0
	октябрь—декабрь	50.0
1917 г.	приблизительно	58.0

По расчету Мих. Павловича [2]) военные расходы Англии достигли к 1-му января 1918 года 6 миллиардов фунт. стерл., т.-е. $^1/_3$ национального богатства этой страны. Австро-Венгрия израсходовала $^1/_3$ своего богатства уже к июню 1916 г. [3]). Если считать, что израсходование $^1/_3$ национального богатства представляет собою «обычную» норму для 4-х лет войны, то национальное богатство всей Европы, очевидно, составляет теперь $^2/_3$ того имущества, с которым этот материк вступал в войну.

б) Истощение производительных сил в России.

«Проедание» основного богатства страны есть самый страшный результат нынешней войны. Оно означает, что производительность общества, соединенных человеческих усилий, слишком мала, чтобы накоплять в течение войны какие-либо запасы «кристаллизированного человеческого труда»—продуктов человеческого производства; оно означает, затем, что общественное производство должно неизбежно сла-

1) М. Павлович, „Итоги Мировой войны", стр. 17.
2) Там же, стр. 59.
3) Там же, стр. 63.

беть в своем размахе, как слабеет актуальность человека, истекающего кровью. Общественное производство расходует машины и прочий инвентарь и с каждым днем уменьшает тот запас энергии, с которым оно могло бы на другой день возобновиться. Расходование одной доли народодного богатства Неудержимо влечет за собой расходование другой, большей доли. И так до безконечности. Этот процесс изнашивания средств производства и ослабления производительности отдельных частей народного хозяйства сам себя питает. Расстройство транспорта вызывает падение добычи угля, а последняя увеличивает % больных паровозов. Недостатки в механизме снабжения вызывают простой в предприятиях, которые в свою очередь разстраивают в конец аппарат снабжения и т. д.

В результате всего этого процесса последний потребитель начинает ощущать нехватку продуктов. Сперва ощущается недостаток угля, железа, масел и др. предметов промышленного потребления, а впоследствии наступает самый элементарный голод—голод продовольственный. Население начинает говорить о том, что заводы плохо работают, а деревня прячет хлеб. Правы или нет эти разговоры в достаточной мере можно судить по приведенным выше цифрам. Одно только несомненно: общественное производство обладает запасом сил меньшим нежели требуется для удовлетворения потребностей населения. Производительность общественного организма падает катастрофически, и наступает момент, когда человечеству начинает грозить вымирание.

«Падение производительности». Это выражение нашло себе теперь полное право гражданства. О падении производительности труда теперь многие говорят со злобою по адресу рабочих, полагая, что они являются виновниками этого общественного бедствия.

Между тем, главная причина падения производительности менее всего заключается в злой воле рабочих. Расходование национального богатства оставило нам в результате 4-х лет войны, грубо говоря, на целую треть испорченные машины, транспорт, рудники и пр. средства производства. При этих условиях производительность труда, конечно, могла понизиться по меньшей мере тоже на одну треть. «По мень-

шей мере—потому, что работа при худших условиях, при прерывающемся снабжении, помимо понижения продуктивности изношенного станка, вызывает также усиленное изнашивание мышц и нервов рабочего, скорее приводит его в негодность. У нас, кстати сказать, статистика несчастных случаев, смерти и вообще здоровья рабочего поставлена из рук вон плохо, и мы и сейчас не можем подвести итоги войны в смысле изнашивания организма товаропроизводителя.

По отношению к России падение производительности труда осложнялось еще одним важным фактором—революцией. Революция со всеми ее потрясениями, неожиданными остановками заводов, колоссальным перерасходом электрической и паровой движущей силы и всех видов энергии отразилась на нашем народном хозяйстве в высшей степени пагубно. Из этого, конечно, отнюдь не следует, что самодержавие было очень благоприятным строем для нашей экономической жизни. Но революция, как стихия разрушения, предшествующая созидательной работе, подорвала силы нашего экономического организма в первые же месяцы своего развития, между тем, как положительныя следствия переворота скажутся лишь спустя много лет. Расстройство экономическаго аппарата стало углубляться с такой неслыханной быстротой, что страна, бывшая в мирное время житницей Европы, обладающая и теперь громадными и нетронутыми еще ресурсами естественных богатств—эта страна встала лицом к лицу с страшным призраком голода. Этот голод об'ясняется не спекуляцией деревенских мироедов (их деятельность менее всего может отразиться на продовольственном положении страны), а главным образом страшным падением производительности труда на наших металлургических и машиностроительных заводах. *Необходимо особенно подчеркнуть роль металлической промышленности, потому что теперь наступил момент, когда человечество (и, в частности Россия) стоит снова перед задачей овладения и усиления машиностроителной индустрии, как отрасли промышленности, воспроизводящей средства производства. Надо рассеять иллюзии и сказать самим себе, что без оздоровления машиностроительной промышленности не можеть быть возрождения тексильной и др. отраслей народного хозяйства.*

Между тем, в металлической промышленности России дело обстоит далеко не так благополучно, как это могло бы быть желательно. Так, напр., Сормовский завод, выпускавший в мирное время 30—32 новых паровоза в месяц, выработал следующую предполагаемую програму выпуска паровозов в 1918 г.:

Январь	7
Февраль	7
Март	7
Апрель	7
Май	12
Июнь	12
Июль	13
Август	13
Сентябрь	15
Октябрь	14
Ноябрь	14
Декабрь	12
Итого	133

Однако, совершенно не представляется возможным возложить вину за этот сокращенный до нельзя выпуск паровозов на паровозные и механические цеха. Нижеследующая таблица дает нам представление о том, как сильно зависят на Сормовском заводе холодные цехи от горячих:

Производительность некоторых заготовительных цехов Сормовского завода в 1917 г.

	Январь	Декабрь
Рессорный	3 673 п.	5.291 п.
Чугунно-литейный	45.612 п.	27.158 п.
Фасонно-литейный	37.286 п.	121.373 п.
Сталелитейный	398.406 п.	175.874 п.
Кузнечный	107.010 п.	43.243 п.

Конечно, заготовительные цехи в свою очередь зависят от шахт и рудников, от лесных дач и торфяных болот, от того же транспорта и пр. Таким образом, перед нами безконечный круг, выхода из которого, как будто не видно.

в) Цены и заработная плата.

Выше сказано было, что нельзя обвинять рабочего в падении производительности истощенного войной общественного организма. Но вопрос о виновности представляет собой наименьший интерес в проблеме заработной платы и производительности труда. Из того обстоятельства, что рабочий класс менее всего повинен в возникновении настоящей войны и истощении хозяйственных ресурсов общества, никак нельзя делать вывод, что его заработная плата не должна быть регламентирована. Регламентация всех видов личного дохода в конечном счете приведет, конечно, к упразднению всех форм нетрудового дохода. Но пока такой доход существует, встает вопрос об основаниях исчисления заработной платы работника. И тут необходимо вполне ясно и категорически высказаться, что *система приспособления заработной платы к дороговизне предметов человеческого потребления окончательно отжила свой век* Эта система имеет в наши времена два первородных греха. Она, во-первых, стремится угнаться не за регламентированными государством ценами, а за нелегальными рыночными ценами, устанавливаемыми мешечниками. Когда государственная власть устанавливает цены, она (в особенности при существующем теперь в России режиме) учитывает положение трудящихся. Повышение твердых цен на хлеб и другие предметы массовго потребления, может в России произойти только как способ уравнения цен на продукты сельскохозяйственной культуры и обрабатывающей индустрии. Такое уравнение дает возможность ликвидировать вообще систему цен и перейти к организации товарообмена между городом и деревней. В этих целях и мыслимо поднятие товарных цен. Может ли при таких условиях применяться с пользой система приспособления заработной платы к поднявшимся ценам на продукты? Мы прямо и категорически говорим, что не может, ибо в таком случае рост денежной заработной платы будет источником дальнейшей дороговизны. На этой же точке зрения стояла Комиссия твердых цен В. С. Н. Х., которая в своем докладе Президиуму

В. С. Н. Х. писала: «Если заработная плата повысится против настоящего уровня, как того требуют профессиональные союзы, то до-военное отношение хлеба к другим продуктам не может сохраниться и значительно изменится в пользу продуктов города, что парализует эффект повышения твердых цен на хлеб»...

Повышение твердых цен одновременно и на заработную плату и на продовольственные продукты означает при нынешних условиях, когда почти единственным предпринимателем является государство, а предпринимательской прибыли не существует, пустую арифметическую манипуляцию поднятия *всех* товарных цен на несколько сот процентов. Ибо вполне понятно, что *при нынешних обстоятельствах* повышение заработной платы механически вызывает повышение товарной цены соответствующего продукта производства.

Если вы повысите по всему товарному фронту заработную плату на 100%, то легче ли от этого будет массовому потребителю: нет, *цены всех товаров тогда взлетят ровно вдвое, так что за каждый из них будут давать столько же товарного эквивалента сколько раньше, до повышения.* Иначе говоря, повышение заработной платы одновременно с ценами на предметы продовольствия ровно никакой пользы рабочим не принесет.

Очевидно, повышение заработной платы преследует не ту «дороговизну», которая устанавливается системой твердых цен, а какую то другую. Действительно, рост заработной платы сплошь и рядом оправдывается тем, что изменился «прожиточный минимум». К сожалению, товарищи никогда не указывают, что они подразумевают, употребляя этот термин и из каких единиц расчета цен (легальных или нелегальных) складывается этот минимум.

Тут нужно отметить, что регламентация потребления в России оставляет желать много лучшего. До сих пор еще не подведена та товарная сумма, которая предоставляется государственной властью потребителю. Выяснение общей суммы товаров, выдаваемых потребителю, является, тем более сложной задачей, что не тольдо в разных концах России установлены различные потребительные нормы, но даже в преде-

лах одного города эти нормы колеблются не на основе какихлибо научных принципов, а просто в зависимости от подвоза продуктов. Но тем не менее, *можно считать установленным, что общая цена тех продуктов, которые государство в состоянии представить потребителю, безусловно ниже получаемой им в общем и целом заработной платы, даже для низших категорий труда.* Упомянутая выше комиссия твердых цен выражает эту мысль следующим образом: «Если заработная плата росла слабее роста цен (нелегальных. А. Г.) на продукты, то все же она учитывала этот рост *и определялась в большей мере спекулятивным рынком, чем легальным.* Практически можно считать, что действующая заработная плата была бы достаточна для оплаты всего того количества продуктов, которое может получить рабочий, если он будет получать их по нормированным ценам». (курс мой. А. Г.).

В действительности дело обстоит так: заработная плата безусловно ниже «прожиточного минимума», исчисленного на основе спекулятивных цен. Вместе с тем, однако, она выше минимума исчисленного согласно потребительным нормам и нормированным ценам. Когда поднимается вопрос о повышении денежной заработной платы, нужно ребром ставить вопрос: к каким ценам желают приспособляться,—к спекулятивным или нормированным? И если сторонники повышения денежной заработной платы признают, что стоимость суммы продуктов, которую государство в состоянии в настоящее время предоставить потребителю, ниже его платы за труд, то они также вынуждены будут признать, что *превышение денежной заработной платы работника над той реальной, которую ему может представить страна, толкает его в об'ятия мешечника, делает его потребителем спекуляции.* Так создается спрос на спекуляцию, а всем известно, что «было бы болото—черти найдутся». И они найдутся всегда, несмотря на расстрелы, тюрьмы, запрещения и пр. Единственное действительное рациональное средство борьбы со спекуляцией,это — уничтожить спрос на нее.

г) Проблема производительности труда.

Второй основной ошибкой идеологии приспособления за-
работной платы к дороговизне является совершенное непони-
мание изменившихся условий социальной жизни. Мы уж
миновали ту эпоху, когда товарные цены и дороговизна това-
ров вызываются тактикой синдикатов и трестов. Даже
странах, где государственное регулирование производств
слишком сильно приковано к закулисным пружинам финан-
совых дельцов, даже и там, как мы видели, борются две тен-
денции: «государственная», стремящаяся сделать систему
общественного регулирования более законченной, и «частно-
капиталистическая», отстаивающая позиции частновладель-
ческого каптала. Во времена полного господства синдикатов
трестов, заработная плата действительно играла пассивную
роль (в общем и целом) в движении товарных цен. Тогда не-
сомненно общая величина материального богатства в стран
была сравнительно достаточна для удовлетворения основ-
ных потребностей населения. Но эта обеспеченность обществ
продуктами изменялась в неблагоприятном для рабочи
смысле тактикой синдикатов, искусственно взвинчивавши
цены. Приспособление денежной заработной платы к дорого-
визне продуктов выражало собою в те времена борьбу раб-
чего класса за долю общественнаго дохода в пределах удовл-
творительного целого.

Обстоятельства дела, однако, сильно изменились в те-
чение нынешней войны. Государственное регулирование на-
родного хозяйства обнаруживает во всех странах громадну
тенденцию к разрыву с защитой интересов капиталистов. На-
жим со стороны пролетариата делает эту тенденцию все бо-
лее и более осуществимой. В такой стране, как Россия, пр
нынешнем ее политическом строе смешно было бы говорить
том, что товарные цены, регламентируемые государством, на-
правлены против рабочего класса. Точно также странно был
бы предположить, что при современной регулирующей поли-
тике правительства рабочему классу в России необходимо вест
борьбу за увеличение своей доли общественного дохода пу-
тем увеличения денежной заработной платы.

Помимо этого есть еще одно обстоятельство, ограничивающее «борьбу» рабочего класса за повышение денежной заработной платы. Это обстоятельство—низкая производительность экономического организма и оскудение наших материальных богатств. В низкой производительности следует видеть центр тяжести проблемы заработной платы. При последовательном проведении «классового» пайка, уничтожении нетрудового дохода движение заработной платы может сообразоваться исключительно с производительностью общества. Общество не может делить между своими членами то, чего оно не имеет, это—истина, детски ясная. Оно может увеличивать долю каждого гражданина постольку, поскольку увеличивается общий запас его (общества) материальных богатств. Правда, тогда, когда «дележ» (выражаясь грубо) общественного богатства происходит не в непосредственной форме выдачи продуктов, а в системе денежной заработной платы, может случиться, что группе лиц будут выданы денежные знаки на сумму, превышающую стоимость продуктов, которые им могут быть предоставлены государством. Такие случаи очень возможны—и у нас, в России, превратились уже в систему. Но в этих случаях государство встанет в конце концов перед той же проблемой, которая выдвигается при переполнении каналов бумажно-денежного обращения—перед проблемой девальвации денег.

Спасение народного хозяйства России, даже и не только России, заключается исключительно в повышении продуктивности ее индустрии Как это сделать—не будем здесь говорить. Но путем ли увеличения мускульного и нервного напряжения рабочих, путем ли введения технических усовершенствований или каким угодно иным путем,—производительность труда должна подняться. Иного пути обогащения общества не видно.

Как же мы должны отнестись к бесчисленным попыткам под'ема денежной заработной платы перед лицом этого мирового голода? На наш взгляд, единственным верным лозунгом является тот лозунг, который уже давно выдвинула одна из крупнейших рабочих организаций в России—Всероссийский Союз Рабочих-Металлистов: «Высокая заработная

плата за высокую норму выработки». Нужно бороться за т чтобы этот лозунг проникал все больше и больше в толщ рабочих масс, чтобы последний метельщик знал, что о является частью общественного организма и что его права н заработную плату сопряжены с обязательствами нормы вы работки. И если металлисты выдвинули этот лозунг чуть л не с первых дней существования своей всероссийской орга низации, то в особенности теперь надо бить в этот пункт неустанно на всех рабочих собраниях и митингах подчерки вать значение этой идеи. Пролетариат взял на себя тяжелу задачу восстановления производительных сил России. Эт задачу он сможет выполнить лишь в том случае, если окон чательно усвоит и осуществит лозунг металлистов о высо ких нормах выработки.

Насколько, однако, не привился этот лозунг даже в ме таллической промышленности, видно из нижеприведенны таблиц (см. таблицы на стр. 13 и 14). Правда, Московски Металлический завод принадлежит далеко не к самым луч шим, как в смысле оборудования, так и в смысле трудово дисциплины. Рабочие там в значительной части являютс вместе с тем и крестьянами. Тем не менее цифры от этого н теряют своей характерности.

Заработная плата увеличивается, производительност труда уменьшается—вот язык приведенных здесь цифр. Ог воримся снова: никак нельзя возлагать ответственность з падение производительности труда на одних рабочих. Однако об'ективное положение таково, что тяжелое наследство принятое пролетариатом, давит прежде всего его же. Есл бы мы имели дело с падением производительности тольк на одном заводе или небольшой группе их, тогда еще можн было оплатить труд рабочих этих заводов. Правда, заводы бы эти пришлось признать паразитическими. Иное, однако дело теперь, когда понижение продуктивности индустрии на блюдается [1]) на всем фронте. Вся промышленность не може быть переведена на положение призреваемой.

---

[1]) Особенно в 1917 г. и в 1-й половине 1918 г. В конце лета 1918 г. наблюдается некоторый под'ем.

Московский Металлический Завод (б. „Гужон")

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ И РАБОЧАЯ ПЛАТА В СТАЛЕЛИТЕЙНОМ ЦЕХЕ.

Количество выпущенного продукта **на 1 таб. час.** по месяцам 1917 г. и рабочая плата **за 1 п. годн. прод.**

Месяцы	Январь		Февр.		Март		Апр.		Май.		Июнь		Июль		Август		Сент.		Окт.		Ноябр.		Дек.	
годы	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество.	Раб. плата.	Количество	Раб. плата.	Количе тво.	Раб. пл-та	Количество.	Раб. плата.
1916	2,06	12	3,2	8,5	3,08	8,5	1,8	13	3,4	8,5	7,1	9	3,1	10	2,7	10	2,8	12	3,4	20	3,2	14	1,38	255
1917	1,4	30	2,7	19	3,5	?	2,1	37	3,4	44	2,9	49	2,8	63	4,4	63	2,2	70	1,8	66	1,6	76	0,86	?

Производительность цеха в ноябре 1917 **повысилась** по сравнению с январем. 14,2%

Рабочая плата на 1 пуд **поднялась** по сравнению с январем. 153,3%

Московский Метал

ПРОК

I. Рабочая плата за 1 п. (в коп.) и количество
в 1917 г. 8

СТАНЫ.	Январь.		Февраль		Март.		Апрель.		Май.	
	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.
№ 1. Провол	3236	43,5	2897	24	2569	55	1544	55	1593	61
№ 2. Средне-Сортн. . .	1970	40	1486	34	1491	52	1170	64.5	1076	1,53
№ 3. Мелко-Сортн. . .	1995	41	2186	29	1386	68	870	15,4	946	1,3
№ 4 Кр. Сорт.	3355	33,5	4778	20	4386	51	3286	51 5	2145	55

II. Увеличение или понижение в %% производител

Название станков.	Производитель	
	В январе.	В декабре.
№ 1. Проволочный.	3236	1092
№ 2. Среднесортный.	1970	808
№ 3. Мелкосортовый.	1995	891
№ 4. Крупносортный.	3355	2077

кий завод (б. Гужон).

й ЦЕХ.

ущ. годного продукта **одной сменой ежемесячно** ас. раб. день.

Июнь.		Июль.		Август.		Сентябрь.		Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.	
Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.	Колич.	Раб. пл.
1589	66,5	1507	85,5	1305	58,5	921	80,5	1126	82	1232	91	1092	1,80
936	98	1024	160	1101	86	1087	97	1158	1,10	1236	128	808	2,65
941	83	1379	1,38	1166	1,01	1482	1.05	1295	1.33	1129	1,57	891	2,16
2547	61	2950	73,5	2473	50	2933	43,5	2915	84	2824	65	2077	1,71

1-ой смены за год и рабочей платы за 1 п. готов. прод.

ность.	Рабочая плата.		
на $^0/_0{}^0/_0$.	В январе.	В декабре.	на $^0/_0{}^0/_0$
66,5	43,5	1,80	313,7
59,1	40,0	2,65	362.6
53,4	41,0	2,16	426.8
38,1	33,5	1,71	410,4

Факты, подобные приведенным выше, диктуют один вывод: необходимо бороться за повышение производительности труда, как за единственный выход из нынешнего трудного положения народно-хозяйственного организма.

Заработная плата должна изменяться в зависимости от производительности—вот основной лозунг современной «рабочей» политики. Этот лозунг представляет собою, в сущности говоря, осуществление старого социалистического идеала о праве на полный продукт труда. Действительно, из признания права работника на продукт труда неизбежно следует, что работник не может претендовать на долю общественного продукта, превышающую его производительность. Если бы ему такое расширенное право предоставить, то этим самым пришлось бы сузить право другого работника (одного или нескольких) на продукт их труда. Ибо ясно, что прибавочная стоимость, кому бы она ни попадала, возможна только при условии эксплоатации чужого труда и неполной его оплаты.

Но в современном обществе, и в особенности при нынешних условиях, прибавочный труд должен существовать по совершенно иным причинам. Обществу приходится нести массу расходов на содержание аппарата по регулированию хозяйственной и политической жизни. Необходимо содержать громадный государственный механизм, без которого не может функционировать и экономический аппарат. Необходимо содержать штат чиновников и иных служащих в самых разнообразных общественных организациях (союзы, советы, заводские комитеты и пр., и пр.), которые обслуживают многосторонния потребности рабочего и других членов общества. Все это требует, конечно, расходов. Кроме того, в наше время к этим расходам, которые можно было бы считать своего рода «накладными расходами» по производству, необходимо прибавить еще один вид расходов. Выше уже было сказано, что весь мир вступил в полосу голода. В России особенно сильно чувствуется этот голод во всех отраслях промышленноти. Борьба с голодом в России требует разработки шахт и рудников, массовой добычи и заготовки сырья. Без сырья не может работать ни одна индустрия. Необходимо, далее, созда-

вать новые машины и чинить старые: во время войны орудия производства износились до крайности.

Эта задача добычи сырых материалов (угля, железа, нефти и пр.) и воспроизведения орудий производства требует затраты громадных трудов. Обществу необходимо, повидимому, иметь некоторый запас материальных благ, которыми можно было бы оплачивать рабочую силу, идущую на добычу сырых материалов и производство орудий и машин. *Такой запас материальных благ возможен как фонд возстановления хозяйственных сил страны и требует также прибавочнаго труда общества.*

Каким же образом должна расчитываться заработная плата, чтобы удовлетворить всем описанным требованиям общественного организма? Принцип приспособления к товарным ценам нами отвергнут,—какой же иной принцип мы можем выдвинуть?

Прежде всего необходимо повторить основной лозунг момента *заработная плата определяется производительностью труда* Повременная система оплаты труда является в наши дни таким же анахронизмом, как крепостной труд во времена Маркса. Она теперь имеет значение больше как система страхования и гарантии труда, нежели как способ оплаты. Необходимо сделать по возможности более выпуклым момент ответственности рабочего как члена общества, за судьбу всего общественного производства. Необходимо, чтобы, как говорил т. Н. Ленин [1])—«выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большого количества культурных и эстетических благ и ценностей и т. п.». В этих словах т. Ленина заключается признание сдельных работ, полезность которых он, правда, в другом месте, признает открыто. Действительно, исчисление заработной платы на основе производительности, предоставление работнику права на продукт его труда возможно только в том случае, если будет учитываться труд, потраченный на произ-

---

1) Н. Ленин. „Очередные задачи Советской власти“, „Правда“ № 83—28/IV 1918 г.

водство этого продукта. При повременной системе такой учет не производится, но он необходим и возможен при штучной работе.

д) Система заработных плат.

Вокруг вопроса о сдельной оплате труда и премиальной системе завязывается все более ожесточенная борьба. Противники этой системы повторяют все один и тот же старый мотив: сдельная работа связана с системой выжимания пота. Некоторые сторонники исключительно повременной оплаты труда, смущаемые неизбежностью сдельной работы, пытаются отыскивать компромиссные формы: на время,—говорят—можно согласиться на сдельную систему. Будучи принципиальными противниками сдельной работы, они соглашаются на введение такой системы как вынужденный компромисс, оправдываемый тяжелым экономическим положением страны.

Между тем, нужно с полной категоричностью признать, что вопрос о введении сдельной системы, это—не вопрос компромисса, а вопрос принципа. Дело в том, что сдельная плата перестала быть жупелом для рабочего класса отнюдь не только в силу исключительности переживаемого момента. Если раньше можно было опасаться сдельной работы, как потогонной системы, то теперь сдельная плата совершенно перестала быть опасной для рабочих абсолютно независимо от того, существует ли наемный труд или его нет.

Чтобы понять это, бросим общий взгляд на картину индустриального труда. В период кустарного производства или слабо развитого машинного капитализма штучная производительность труда почти целиком зависела от искусства и физической силы работника. Профессиональное искусство рабочего и заключалось в том, чтобы подыскивать новые индивидуальные приемы работы, неизвестные массе остальных рабочих и выдвигающие вперед наиболее сообразительного и сильнейшего.

Быстрота движений и сила мускульного напряжения были главными факторами, влияющими на продуктивность труда. Ясно, что в таких условиях примерная норма производи-

тельности в предприятии не имела никаких об'ективных границ и всецело зависела от физической способности занятых в предприятии рабочих. Отсюда вполне понятное потогонное давление сдельной работы, при которой сильнейший физически работник увлекает за собою всю мастерскую.

Но машинное производство до неузнаваемости революционизировало роль работника в сложной игре переменных сил, влияющих на производительность труда. Весь смысл этой революции заключается в том, что само орудие производства—станок, двигатель, и пр.—определяет размах рабочей энергии. Да и самое приложение энергии из тысячи комбинированных телодвижений превратилось в небольшой ряд простых манипуляций, строго сообразующихся с об'ективным фактом: деятельностью станка.

Машина с математической точностью нормирует как количество, так и энергию и направление рабочего движения. Кто уяснит себе этот простой факт, тот поймет, что весь спор о сдельной или повременной плате приобретает новую окраску. Дело совсем не в том, чтобы «погонять» рабочих и репрессиями поднять их производительность. Речь идет о том лишь, чтобы соразмерить, приспособить темп рабочих усилий с технической работоспособностью обслуживаемого станка. Я могу стоять у станка без дела, пользуясь отсутствием мастера, я могу перевести ремень на холостой шкиф. Давайте признаем без обиняков, что и в том и в другом случае я саботирую, независимо от того, кому принадлежит завод.

Станок, на котором я работаю, дает возможность совершенно безпристрастно математически расчитать размер стружки, снимаемой им в течение дня при полном ходе. При таких условиях справедливо требовать от меня, чтобы я дал ту производительность, которую выдвигает в качестве математической единицы холодная машина. Нормируйте мой труд, опираясь на эту железную математику.

В свете этих соображений становится ясной кустарность идеологии, протестующей против такого нормирования труда. В ответ на заявления, что не мы, а капиталисты пусть проводят нормирование рабочих усилий, мы должны откровенно сказать:

«Да, до сих пор, не только капиталистическая индустрия, но и капиталистическая эксплоатация дисциплинировала рабочих. В жестокой борьбе с капиталом мы научились ценить его индустриализм, и сами стали сбрасывать старые ремесленные одежды. Но теперь мы уже не будем ждать этого дисциплинирующего действия капитала. Пожалуй не к лицу рабочей организации уступать предпринимателям право «воспитания рабочих масс».

Нормирование труда индивидуального работника отнюдь не является последним словом учета производительности. *Оно является только предпосылкой формирования труда целых рабочих коллективов: цеховых, заводских и т. д.* Точно так же, как легко математически определить необходимую норму выработки отдельного работника, так-же легко и определить возможную производительность всей группы машин заводского организма. В этом отношении в условиях нынешней исключительно пониженной производительности труда (эпидемия неосознанного саботажа) можно пользоваться не только непосредственным техническим обследованием завода, но и статистическим учетом его производительности за прошлые годы. Так, в тарифном договоре, заключенном Областным Бюро Донецкого района Всероссийского Союза Металлистов с предпринимателями, прямо говорится: «под гарантированным количеством работы следует разуметь для ранее действовавших производств то количество продуктов для единицы времени (смены, рабочего дня, при часовой работе—часа), какое фиксировано в соответственной статистике этого производства для данного завода, исходя из средней производительности за 1913—1914—1915 г. г.».

Тут нормирование индивидуальной выработки превратилось в непосредственное регулирование производительности предприятия, и регулирующим аппаратом является подписавший договор рабочий союз.

Так, вопросы сдельной выработки маленького человеческого организма вырастают в интереснейшие проблемы государственного регулирования целых отраслей производства. Безконечно мизерными кажутся в такой постановке вопроса споры о потогонном характере сдельной работы. Анархиче-

скому напряжению человеческих усилий кустаря мы противопоставляем математически расчитанные приемы индустриального работника. Мы выдаем премии не для раз'единения заводской массы. «Демократическому» равенству отсталых ремесленных приемов нужно противопоставить дисциплинированный, регулируемый машиной труд сознательного работника, и тот, кто первый даст необходимое напряжение сил, кто быстрее дисциплинирует самого себя, тот имеет полное право требовать себе лучших условий жизни, дополнительного вознаграждения—словом, премии.

е) Калькуляция заработной платы.

При сдельной работе способ расчета заработной платы становится ясным до чрезвычайности. Изменять заработную плату в зависимости от производительности труда равносильно тому, что определять ее в связи с себестоимостью продукта производства. Обществу невыгодно такое повышение производительности, при котором продукт труда стоит дороже чем прежде. Такое повышение есть, по существу говоря, понижение производительности, ибо обществу приходится тратить больше рабочей силы для оплаты неизменившегося количества кристаллизованного труда.

Вообще говоря, можно применять два метода учета себестоимости: 1) по готовому продукту (обычно по цеховым заказам) и 2) по операциям. При капиталистических порядках себестоимость по обеим системам складывалась из трех основных элементов:

1. Стоимость материала.
2. Заработная плата.
3. Накладные расходы [1]).

Расходы по восстановлению средств производства включаются в накладные расходы, цеховые или общие. К сумме, получаемой таким образом, накидывается некоторый % на

---

[1]) Г. Л. Гантт. „Современные системы заработной платы в связи с доходностью предприятий“, стр. 147.

прибыль и в итоге получают «продажную цену» товара.

В настоящее время такая система учета себестоимости должна быть использована для определения величины заработной платы. Мы полагаем, что себестоимость продукта есть величина более или менее данная. Колебания «продажной стоимости» (равносильной себестоимости с точки зрения общественного производства) не могут быть особенно сильными при данных ресурсах материальных богатств общества. Общество не может дать за изготовление продукта (детали или операции) больше нежели некоторый X материальных благ (в виде ли денег, или в виде продуктов—не важно) ибо оно большим количеством не обладает. Общественная себестоимость («продажная цена») продукта не может превышать соответствующей доли всех материальных благ и колеблется уже в точно определенных границах.

Нужно признаться однако, что оплата труда и определение себестоимости продуктов по величине материальных ресурсов общества подводит нас вплотную к вопросу о девальвации денег. Не касаясь этого вопроса в полном об'еме, отметим здесь только, что девальвация в наше время будет производиться не на основе золотого запаса казны, а на основе тех действительных материальных благ, которыми обладает страна. Но в тот момент, когда девальвация будет произведена, заработная плата окажется величиной, которую уже не так трудно будет определить. Если, по проведении девальвации стоимость продукта будет фиксированной, то тогда представится возможным вычислить %ное отношение расходов на уплату труда к остальным расходам по приготовлению продукта, какое является нормальным для безубыточного ведения дела. Представим себе что общая величина материальных благ, которую общество может дать за данный продукт, равняется—A, сырые материалы стоят предприятию B, накладные расходы (включая и некоторую прибыль на оборотные средства) пусть будут равны—C; в таком случае отыскание величины заработной платы за труд, потраченный на изготовление этого продукта,—задача вовсе не из самых трудных. Заработная плата будет равна A—(B+C). Конечно исчисление, как A, так и B и C—задача очень сложная. Конечно, допустимы также некоторые колебания разности (заработной платы). Но эти

колебания могут быть индивидуальными. Принцип зависимости заработной платы от производительности труда остается непоколебимым.

Мы вступаем в эпоху, когда придется пересмотреть заново принципы заводской отчетности. Старые формы отчетности приспособлялись к изолированному существованию отдельных хозяйственных единиц и способствовали обогащению одних предприятий за счет других. Новые формы отчетности должны быть построены на основе ответственности предприятий за свою производительность, причем эта ответственность должна проникать собою весь заводский организм как в целом, так и в работе отдельного работника.

Методы организации потребления.

а) Сохранение общественно-полезного труда.

Переходя к методам организации потребления необходимо отметить, что мы сталкиваемся здесь с теми же тейлоровскими принципами, которые завоевали себе права гражданства в производстве.

Тэйлоризм покоится, как известно, на одном очень простом принципе—принципе сохранения энергии. Речь идет не о философском понятии энергии и не о философском принципе, а о сохранении энергии, употребляемой рабочником, и рациональном использовании ее. Работа не должна пропадать даром—вот лозунг инженеров тэйлоровского толка. Этот лозунг находит себе применение не только в сфере непосредственного физического труда и применения машин - орудий. Консолидация мелких предприятий в крупные, превращение отдельных мастерских и заводов в комбинированные системы производственных колец, массовая заготовка сырых материалов и специализация их распределения, словом, вся душа современного индустриального хозяйства представляет собою выражение того-же принципа сохранения энергии, примененного в более узкой области Тэйлором.

Сохранение материи в производстве и сохранение в нем энергии представляют собою две стороны одного и того же процесса сбережения общественно-полезного труда. Директор завода организует массовую закупку нефти или железного лома, он скупает большими партиями полуобработанный фабрикат и составляет запасы на долгие месяцы или даже годы. Во всех таких случаях он стремится к прибыли, но вместе с тем он экономит расходование материалов, сберегает нефть, смазочные вещества и пр. Не забудем-же, однако, что вся ценность нефти, смазочных и пр. заключается в кристаллизованном в них общественно-полезном труде.

Тот же директор вводит усовершенствованную систему заводоуправления. На его заводе организуется Распределительное Бюро, ставится нормирование труда; он выстраивает центральную инструментальную и применяет хронометраж. Стремясь к личной прибыли, он и в этом случае достигает уменьшения затраты общественно-полезного труда на производство единицы продукта.

Наконец, тот же директор заменяет один вид топлива другим. Он переходит от системы древесно-угольных доменных печей к системе коксующегося угля, или строит около металлургического завода цементный завод и эксплоатирует доменный шлак; он перерабатывает различные отбросы производства и то, что на другом заводе пропадает зря, превращается у него в годный для употребления продукт. Очевидно для всякого, что проблема рационального использования материала представляет собою непочатый край не только у нас в России. Принцип экономии материи это—тот-же тэйлоровский принцип экономии энергии и имеет громадное практическое значение. «В промышленности—говорит академик П. И. Вальден [1])—нет отбросов и остатков; отбросы, это—химическое сырье, пока не нашедшее еще своего специалиста промышленника, пока еще не попавшее в соответствующий завод».

---

[1]) П. И. Вальден, „Обесценивание материи“, стр. 221.

То, что применяется фабрикантом, как экономия материа-а, то для общества в целом означает сохранение энергии; о, что употребляется им для экономии труда на его заводе, риводит к тому же результату экономии общественных сил.

Тэйлоровские принципы находят себе однако применение е только в сфере производства продуктов. Общество затра-ивает много сил не только для того, чтобы приготовить пред-еты личного или индустриального потребления; оно вынуж-ено также расходовать энергию на распределение этих про-уктов и даже на потребление их. Оборудование путей со-бщения и почтово-телеграфного сношения представляет со-ою наименьшую долю этих расходов. Гораздо более прихо-ится общественному организму тратить сил на тот социаль-ый аппарат распределения, который под именем различных орговых фирм приходит на помощь потребителю. Услуги рупных закупочных органов и мелочных торговцев, хотя и плачиваются непосредственно из доходов потребителя, но адают тяжелым бременем на бюджет общества. Даже в том лучае, если потребитель, обращаясь к агенту комиссионной конторы, оплачивает последнюю исключительно из средств добытых собственным личным трудом, он посягает на дебет бщества в целом, ибо он живет не в безвоздушном простран-стве и его собственная рабочая сила имеет некоторую соци-альную ценность, которую общество так или иначе оплачи-вает.

Промышленники, потребляющие сырье, и массовый по-требитель, спрашивающий на рынке предметы продоволь-ствия, как бы одновременно почувствовали нобходимость эко-номии общественного труда. И тот и другой из эгоистических побуждений стремятся обойти массу крупных и мелких по-средников, перепродающих товар из одних рук в другие. Предприниматели организуют картель, они создают новый тип предприятий, соединяющих добычу материала с его обработ-кой, заводы строятся в местах богатых углем и железом, текстильные предприятия стремятся ко льну и хлопку. Орга-низуются громадные «трестированные» предприятия, в кото-рых один производственный процесс непосредственно перехо-дит в другой, и сырой материал находится в работе, начиная

с момента добычи и кончая поступлением на рынок. Весь этот процесс борьбы с посредничеством преследует, об'ективно говоря, все ту же цель экономии труда, расходуемого социальным организмом.

Потребительная кооперация, выросшая из борьбы бедняков за свои насущные интересы, приводит к той же цели. Она уничтожает мелочного торговца и этим сохраняет в кармане рабочего лишний грош. Но не в этом одном заключается ее громадная общественная польза. Кооперация, уничтожая торговца, освобождает общество от необходимости оплаты его труда. Она, следовательно, вписывает в приход общества некоторую сумму рабочей силы, которая должна была бы быть потраченной для удовлетворения потребностей лавочника. Здесь проявляется тот же принцип экономии энергии.

б) Научная организация потребления.

Организация потребления имеет своей исходной точкой потребительную кооперацию. Кооперация представляет собою свободное соединение группы лиц. Потребители об'единяются между собою по самым разнообразным признакам. Существуют кооперативы рабочие и всесословные, железнодорожные и фабрично-заводские и т. д. Очень трудно заставить рабочих и предпринимателей войти в одно и то же кооперативное общество. Однако, они все потребляют и все расходуют средства на оплату посредничества. Общество теряет равно, как от того, что посредник оплачивается рабочим, так и от того, что его оплачивает фабрикант или священник. Эти истины для всех очевидны в эпоху современной войны и западно-европейские государства одно за другим стали переходить к системе обобществления распределительного аппарата или контроля за его деятельностью.

Однако, нам думается, что пора приступить в России к проведению тэйлоровских принципов не только в сфере непосредственной экономии труда, расходуемого на оплату ча

стно-распределительного аппарата. Мы подаем топке не первое попавшееся топливо и не в том количестве, какое нам взбредет в голову. Мы стараемся питать ее так, чтобы при наименьшем расходе топлива, был достигнут максимальный тепловой эффект. Более того, иногда мы даем и много топлива, но с таким расчетом, чтобы его стоимость (затраченный обществом труд) была воспроизведена в максимальном размере. Около завода мы строим силовую станцию. На ее постройку и установку машин потрачена масса драгоценной для общества силы. Давайте же так делать, чтоб эту силу воспроизвести сполна. Будем отпускать только то количество тока, которое требуется станкам для работы, и прекращать подачу энергии при прогулах станка. Не будем давать переменного тока там, где требуется постоянный, и наоборот.

Регламентация потребления, в сущности говоря, давно применяется в России. Но если в Западной Европе и достигнуты кой-какие успехи, у нас и до сих пор в потреблении господствует полная анархия. Карточная система, перенесенная к нам из Германии, регламентирует только количество потребляемых продуктов. Потребителю предоставляется свобода в выборе продуктов. Правда, у нас при абсолютной нехватке всех предметов питания эта свобода весьма относительна. Тем не менее, недостаток продуктов именно тем и об'ясняется в значительной мере, что самое потребление предоставлено стихии. При том обнищании страны, которое вызвали война и паралич производства, созданный обеими революциями, предоставление потребителю свободы потребления привело (в большом масштабе) к тому же результату, что ловля рыбы в период метания икры или охота на редкую дичь в весенний период. Анархия потребления не менее страшна для нас, чем анархия производства. Экономия общественного труда требует регламентации не только количества потребляемого продукта, но и рода и качества его.

Как же провести такую регламентацию потребления? Повидимому, государство или муниципалитет (смотря по тому, в чьих руках сосредоточено продовольственное дело) должно произвести научный анализ всех видов современного человеческого потребления. Продовольственный Комитет дает

потребителю в России ограниченное количество продуктов. Но в принципе он готов дать потребителю все имеющиеся в его распоряжении продукты. Вследствие этого общая сумма потребляемых предметов или то, что принято называть прожиточным уровнем, определяется у нас запасами Продовольственного Комитета. Этот принцип необходимо отвергнуть. Вместо «голодных» норм потребления нужно построить систему норм, физиологически для потребителя необходимых. Нельзя давать потребителю то, что он хочет; точно так же не надо руководствоваться исключительно тем, что мы ему дать можем. Необходимо давать потребителю то, что ему нужно. А это последнее определяется чисто научным способом.

Если бы мы остановились на потреблении чисто физиологическом, нам пришлось бы разсуждать примерно так: питание необходимо человеческому организму для 1) накопления тепловой энергии и 2) восстановления тканей. И то, и другое представляет собою химический процесс, совершенно не подчиненный воле человека и протекающий соответственно определенным законом химии. Очевидно, для восстановления тканей и накопления теплоты в организме нет надобности считаться с вкусовыми традициями потребителя. Нужно его рассматривать как сосуд, в котором происходят интересующие нас химические процессы.

В переводе на обывательский язык это означало бы ликвидацию частно-потребительских традиций и переход к системе принудительного централизованного питания. Правда, в жизни имеется безконечное количество вариаций вкусовых традиций и потребительских стремлений. Удовлетворение их означало бы громадный перерасход общественных сил, общественного труда,—над тем количеством его, которое необходимо для поддержания организма потребителей на уровне, при котором аггрегат их может существовать как общество производителей.

Люди еще слишком проникнуты антисоциальной психологией. В головах многих не вмещается представление, что человека, любящего картофель, можно заставить есть какой-либо желудевый состав. Между тем, не только в России, но и в капиталлистической Германии, уже делаются попытки

централизации кухни» и централизации питания. России придется преодолеть громадные сопротивления на пути к организации народного питания; придется прививать это нововведение, как когда-то прививалась культура картофеля. Действительно, весь мир стоит перед новой эпохой—эпохой культуры питания. Последнее возводится в науку и рационализируется.

«В небольшой, но в высшей степени ценной брошюре П. И. Вальдена «Обезценивание материи» мы находим следующее замечание (стр. 25): „Итак, должна создаваться и все больше развиваться химия суррогатов. Уже теперь фабрикуются в значительных количествах суррогаты питательных веществ, напр. коровьего масла, кофе, сахара (сахарин), не говоря о многочисленных искусственных питательных белковых веществах». Химия суррогатов—это прелестно. Но разве все элементы употребляемой культурным человеком пищи не являются суррогатами того питания, которое имело место на первоначальных стадиях развития человеческого общества? Очевидно, нужно идти до конца и сказать: теперь должна создаваться наука о питании. Химия должна нам давать новые элементы человеческой пищи («суррогаты»), которые бы удовлетворяли двум основным заданиям: 1) они должны легко ассимилироваться в организме и 2) на их производство должно расходоваться минимальное количество общественно-необходимого труда. И мы скажем—дорогу суррогатам,—суррогатам вышедшим из недр лаборатории, «Научного института питания» [1]). Нужно, повторяю, строить новую науку. Эта наука о «хлебе насущном» представляет собою венец человеческого знания, соединяя высоты философии с практическими потребностями организма.

Вместе с тем эта наука будет проводницей тэйлоризма на совершенно новом для него поприще.

---

1) Такой „Институт“ организован в настоящее время в Москве. Его полное название, кажется: „Российский Научно-Пищевой Институт“. На наш взгляд этому учреждению суждена богатейшая будущность.

в) Заводская оранизация потребления.

Изложенные выше принципы легче всего попытаться применить на фабрично-заводском населении страны. Потребление рабочих более единообразно, нежели остальных слоев рабочих. Концентрация значительных масс потребителей на одной территории заставляет их питаться в общем и целом одинаковой пищей, жить, примерно, в одинаковых жилищах и пр. Громадную роль, кроме того, играет еще приблизительное равенство социального положения. Но, не считая подавляющего влияния величины личного дохода, равные производственные условия создают и одинаковость величины отдыха, единообразное распределение суток и порождают потребности в равных условиях санитарии, воспитания детей и даже культурном уровне. Всем известно, что значительный шаг вперед по пути «централизации» потребления сделали промышленные предприятия еще в эпоху «чисто» капиталистического хозяйства, не осложненного «военным» вмешательством государственной власти в народно-хозяйственную жизнь. Ни один крупный завод не обходился без поселка для рабочих, а во многих, в особенности в горном деле, оборудовались бани, школы, драмы и пр., не говоря уже о кухне. Капитализм и в этом отношении проложил нам дорогу и указал тенденцию развития.

Современное крупное предприятие, сосредоточивающее в стенах своих заводов десятки тысяч рабочих, не может их рассматривать как рабочую силу только во время их пребывания в цехе. Время отдыха так-же влияет на производительность труда, как и время работы. Нет—время отдыха влияет больше и оно более опасно. Во время работы рабочий зависит в значительной мере от станка и подчинен об'ективным законам производства, действующим по большей части рационально. Во время отдыха рабочий во власти этих могучих законов производства; с ним может случиться все, что угодно, в том числе и такое, что приведет его, как производителя в состояние негодности.

Но за машиной надо следить и ухаживать и днем и ночью. Необходимо рационализировать отдых и потребление работника

ка так, чтобы он был общественно-полезной величиной. Все граждане общества должны дать обществу, как и станки на заводе, максимум того, что они могут дать. Конечно, смешно было бы видеть в этих словах проповедь «потогонной системы». Потогонная система портит и машину и человека раньше времени. Она не использует работника до конца, ибо проматывает его силу без смысла. Мы же должны стремиться к полному питанию топки парового котла и к полному горению и восстановлению тканей организма человека-производителя.

Тут мы подходим к проблеме заработной платы. Не останавливаясь детально на этом вопросе, скажем только: денежная заработная плата отжила свой век—надо ее хоронить поскорее. Нужно пытаться обстраивать заводы поселками, культивировать массовую заготовку продуктов и массовое изготовление пищи. Нужно поставить научно вопрос питания и культивировать новые методы потребления. При этом нужно поставить вопрос универсально: потребление понимается нами здесь в расширительном смысле. Пора приступить к массовой стройке школ, разведению садов огородов и пр. и пр. Взамен индивидуального потребления нужно культивировать потребление коллективное. Это будет и дешевле и полезнее.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Докладная записка Центрального Комитета Всероссийского Союза Рабочих-Металлистов Совету Народных Комиссаров и президиуму В.С.Н.Х. по вопросу о проектируемом повышении заработной платы в связи с повышением твердых цен.

Сентябрь 1918 г.

В связи с проектируемым и отчасти уже проводящимся в жизнь повышением твердых цен на различные предметы массового потребления, вырабатывается также и проект всеобщего повышения заработной платы. Насколько известно Центральному Комитету, вопрос этот в принципе разрешен уже в кругах профессиональных деятелей в положительном смысле. Предполагается сделать исходной точкой регламентирования заработной платы минимальную тарифную ставку в 15 руб. в день для г. Москвы и 16 р.—для Петрограда. Принимая во внимание, что подобный шаг является в высшей степени важным, как с точки зрения государственного регламентирования заработной платы и производительности, так и с точки зрения задач финансовой политики страны, Центральный Комитет Всероссийского Союза Рабочих Металлистов считает необходимым высказать в настоящей докладной записке свое отношение к обсуждаемому вопросу.

Реальная заработная плата и богатство страны.

Одним из главных моментов, играющих важную роль при аргументации в пользу повышения заработной платы, является указание на понижение современной реальной заработной платы по сравнению с довоенным периодом. В такой абсолютной форме это утверждение не может быть оспариваемо.

Заработная плата чернорабочего вагонной мастерской Путиловского завода, выраженная в пудах ржи,

составляла в 1914 г.—31, 48 п. в месяц, а в 1918 г., если бы он получал даже по 15 руб. в день, на его долю пришлось бы 24, 59 п. ржи. Дневная плата чернорабочего мужчины железопрокатного цеха того же завода равнялась в 1914 г.—92 к., т.-е. 28, 39 п. ржи в месяц. В настоящее время такой чернорабочий был бы причислен к 3-ей категории 4-ой группы по московскому тарифу металлистов. Его дневная денежная заработная плата составляла бы 12 р. 60 к. или 20,64 п. ржи в месяц (считая рабочий месяц равным 25 дням).

Несмотря на это, есть обстоятельства, которые смягчают напрашивающиеся выводы. Во время войны материальные богатства страны, как известно, сильно уменьшились. Благодаря изоляции страны от мирового товарообмена, а в последнее время, благодаря отторжению наиболее развитых в промышленном отношении районов—производительность Советской России гораздо ниже требуемого. Изнашивание машин и понижение сельско-хозяйственной культуры способствуют этой же тенденции понижения производительности. В результате—уменьшение количества материальных богатств, в том числе и предметов потребления рабочего, падающего на одного человека. Поэтому *надо считать нормальным всеобщее понижение реальной заработной платы, как результат истощения хозяйственных рессурсов* России вследствие войны.

Методы исчисления прожиточного минимума.

Потребление населения в том виде, в каком оно имело место до войны, не может быть допущено в настоящее время. В мирные годы каждый человек (в том числе и рабочие) приобретал желательные для него предметы, руководствуясь исключительно соображениями личного характера. Потребитель покупал все, что хотел, или имел возможность по финансовым обстоятельствам, приобрести. Применение такой системы потребления в нынешний период нанесло бы

сильный урон государству, как целому. Поэтому, при исчислении относительных величин заработной платы довоенного и настоящего периодов необходимо принимать также во внимание не только сокращение богатств, предоставляемых государством отдельному потребителю, но и ту величину потребления, которое может считаться достаточным для него по физиологическим и др. естественным обстоятельствам. Как известно, прожиточный физиологический минимум потребления всего населения Германии исчислялся в 56,75 миллиардов калорий в год, между тем, как фактическое потребление этой страны доходило в среднем до 90 мд. калорий ежегодно в мирное время. Надо считать целесообразным, чтобы *заработная плата, как и вообще доходы населения, регламентировались соответственно физиологическому* (вернее естественному) *минимуму потребления, но не согласно традиционным нормам потребления.* При таком условии не может быть никаких оправданий попыткам повысить заработную плату до уровня довоенного потребления. Такия попытки обнаруживают двойную тенденцию: *они стараются довести потребленіе населения до размера, превышающего запасы материальных благ страны. Кроме того, они при осуществлении дали бы непроизводительный расход продуктов сверх потребной для населения нормы.*

Регулирование денежной заработной платы и борьбы со спекуляцией.

Одновременное повышение твердых цен на товары и заработной платы совершенно парализовало бы тенденцию к уравнению цен на продукты индустриального и сельско-хозяйственного труда. На это обстоятельство уже указывала Комиссия твердых цен в своем докладе Президиуму В. С. Н. Х. Мы считаем необходимым, кроме того, указать еще на следующее обстоятельство. Несоответствие заработной платы и необходимого прожиточного минимума в его физиологических размерах бросило значительные массы рабочих в об'ятия мелких спекулянтов, тайком

доставляющих предметы продовольствия из деревни в город (мешечников). Единственным более *или менее генеральным методом борьбы (наряду с потребительной кооперацией) с спекуляцией такого рода, является такое регулирование заработной платы, которое бы не давало потребителю возможности обращаться к каким либо иным поставщикам потребляемых им предметов, кроме продовольственных органов государства.* Центральный Комитет приветствовал бы образование комиссии из научных сил, в задание которой входило бы точное определение необходимой заработной платы на основе указанных выше принципов. В предполагаемом повышении заработной платы до 15 р. в день для Москвы в качестве минимального заработка Ц. К. В. С. Р. М. видит проявление не классовой пролетарской точки зрения, которая по его мнению должна совпадать с интересами индустриального развития страны и государства, а старые цеховые традиции, стремящіеся к увеличению денежной платы работника. По мнению Ц. К. система приспособления заработной платы к „дороговизне“ в настоящее время не применима. Мы вступаем в эпоху, когда регламентирование заработной платы должно стать основной для государственного регулирования промышленности и сельского хозяйства.

Заработная плата и борьба с дороговизной.

Общий перерасход на заработную плату рабочих в Советской России, по исчислениям Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, будет равен, в случае повышения заработков на 50 % против существующих, 5,5 миллиардам р. в год. Подсчет этот не точен, и цифры взяты безусловно минимальные. Однако, такое повышение заработной платы во всех производствах разобьет все предположения о твердых ценах на фабрикаты, ибо, входя, как часть издержек производства в товарную цену, заработная плата оказывает несокрушимое влияние на последнюю и механически ее изменяет.

Государственное казначейство вряд ли в состоянии будет выдержать такую всеобщую пертурбацию цен, связанную с отливом новых денежных средств из казны в промышленность.

Тарифная политика профессиональных союзов.

Надо признать, однако, что со стороны широких масс наблюдается сильная тенденция к повышению тарифных ставок заработной платы. По мнению Ц. К. в этом явлении, в значительной мере, повинны сами руководители рабочих союзов. Не имея решимости противопоставить напору масс твердые принципы тарифной политики, они слишком часто повышали денежную заработную плату. В результате, вместо тарифа-регламентации заработков и производительности труда, мы имеем на лицо лишь обезпечение рабочего государством (как финансирующего, в конечном счете, промышленность органа) известными денежными суммами *без каких-либо обязательств с его (рабочего) стороны.* Такая система оказывает деморализующее влияние на пролетариат. Необходимо выдвинуть систему взаимных обязательств производителя и работодателя, или, вернее, различных слоев производителей, составляющих в сумме общество, как целое.

Насколько мягка была тарифная политика рабочих союзов в России, видно из приложенных таблиц № 1 и 2, разработанных Вс. Ц. Сов. Пр. Союзов. Металлисты, которые в своих тарифах интересовались не прожиточным минимумом, а задачей приведения в соответствие заработной платы и производительности труда, оказались по величине заработков в числе наиболее низко оплачиваемых рабочих, не смотря на то, что обыкновенно они оплачивались сравнительно выше различных других упомянутых в таблице профессий (см. табл. № 2). *Необходимо, повидимому, отбросить систему тарифов, как гарантии, и перейти к системе тарифов, как регулирования промышленности.*

Заработная плата и производительность труда.

Изложенные выше соображения ставят заработную плату в зависимость от производительности труда. Последняя пала в России, как известно, чрезвычайно низко. На понижение производительности труда в стране влияли самые разнообразные факторы, сами возникшие вследствие истощающего действия войны. Главные из этих факторов: неправильное снабжение предприятий сырьем и топливом, нерациональная организация заводоуправления, задержки в финансировании, истощение организма работника и пр. На основе этих об'ективных причин развилась индифферентность значительных слоев занятых в предприятии лиц к интересам производства.

Было бы ошибочным возлагать на одних рабочих следствия понижения их производительности. Однако, понижение производительности труда есть вместе с тем понижение производительности всей промышленности, уменьшение количества выпускаемых к обмену продуктов. Следствия недостатка продуктов должны нести все слои населения, в том числе и фабрично заводские рабочие. При обезпечении последних денежной заработной платой соответственно их желаниям мы возложили бы все следствия недостатка материальных благ на сельско-хозяйственных рабочих. Очевидно, что таким путем не может быть достигнуто увеличение общего количества предметов массового и промышленного потребления. *Необходимо, для разрешения такой задачи, повысить производительность всѣх общественно-полезных производств. При такой постановке вопроса каждая группа трудящихся (металлисты, такстили и др.) могут претендовать на повышение заработной платы только в том случаѣ, когда их индустрия даст увеличенное против нормы количество выработанных предметов.* Ц. К. В. С. Р. М. считает особо важным подчеркнуть этот момент тарифной политики государства.

Цены на рабочую силу и на продукты производства.

О размерах относительного колебания производительности труда и заработной платы может судить по одному из важнейших заводов Московского района, на котором рабочая плата поднялась в 1917 г. в прокатном цехе на 300—400 % в кругл. единицах, а производительность пала на 40—70 %. Механически вызываемое этим повышением заработной платы увеличение товарной цены оплачивается всеми остальными группами населения. В случае всеобщего повышения заработной платы, не сопровождающегося увеличением продуктивности работы, промышленность будет давать убытки, которые при нынешних условиях финансирования должно будет покрывать государство. Но государству будет очень трудно выдержать такой процесс.

Необходимо совершенно отказаться от надежд, связанных с дальнейшим увеличением денежной заработной платы. Такое увеличение не дает выхода из круговорота дороговизны и спекуляции.

В таблицах № 1 и 2 можно найти дополнительные данные о соотношении заработной платы, производительности труда и цены продукта. К сожалению спешность, вопроса заставляет нас воздержаться от представления более подробных сведений. Но Ц. К. считал бы целесообразным создание комиссии, составленной из представителей ученых сил, для составления штучных расценок в важнейших производствах с твердыми ценами на продукты производства и влияния предполагаемого изменения таких расценок. С своей стороны Ц. К. убежден, что в *массе штучные расценки не поддаются дальнейшему увеличению без автоматического повышения цен на продукты индустриального труда.* Между тем при повышении тарифных ставок совершенно не представляется возможным избежать увеличения штучных расценок, ибо последние исчисляются на основе первых (штучная расценка обыкновенно принимается равной частному от деления тарифной ставки на норму производительности при данной единице времени).

Суммируя изложенные выше соображения, Ц. К. считает необходимым указать:

1. Современная реальная заработная плата, действительно, крайне низка.

2. Изменение денежной заработной платы не в состоянии в настоящее время способствовать повышению реальной заработной платы. Денежная заработная плата сама является одним из побудительных стимулов дороговизны.

3. Государству необходимо вступить на путь регламентирования заработной платы, соответственно величине материальных богатств в стране и величине богатств, приходящихся на душу населения. Помимо того, должен быть принят во внимание физиологический (естественный) минимум жизненных потребностей человека.

4. Повышение денежной заработной платы допустимо исключительно при условии увеличения производительности труда соответствующей категории трудящихся. Повышение работоспособности должно поощряться методами определенной тарифной политики.

5. Предполагаемое огульное повышение заработной платы с установлением минимального заработка по Москве в 15 р. в день ни в коем случае не может быть приемлемо. Напротив того, в течение некоторого промежутка времени (2—3 м.) необходимо дать кристаллизоваться существующим тарифам заработной платы, дабы союзы приобрели некоторый опыт в нормировании заработной платы и труда.

Доводя обо всем изложенном до сведения Совета Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Республики и Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, Бюро Центрального Комитета Всероссийского Союза Рабочих-Металлистов просит принять все меры для предотвращения последствий, могущих произойти при предполагающемся повышении заработной платы. С своей стороны Центральный Комитет будет всемерно поддерживать С. Н. К. и В. С.

Н. Х. в их начинаниях в этом отношении и надеется, что совместными усилиями власти и рабочих профессиональных организаций удастся заложить твердый фундамент производственной жизни России.

За Всеросс. Союз Рабочих-Металлистов
Член Бюро Центрального Комитета
Секретарь

Приложение: Таблицы № 1, 2.

С подлинным верно: Делопроизводитель.

Таблица № 1.

Таблица процентных колебаний заработной платы с 1-го октября 1917 г. по 1-е августа 1918 г.

	Отрасли.	Высш. став.	Низш. став.	%	Сроки вступления в силу.	В каком масштабе.
Фабрично-заводской пролетариат.	Металлисты. . .	19.20	10.40	100:54,17	1 июня 1918	в Моск. обл.
	сл.	30.—	10.—			
	Кожевники. . . .	20.—	13.40	100:67	15 июня 1918	в Моск. обл.
	жен.	17.—	12.—	100:70,6		
	Печатники . . .	28.83	11.45	100:39,71	1 апреля 1918	г. Москвы
	Пищевики. . . .	19.—	17.—	100:89,47	1 авг. 1918	в Московск.
	Текстильщики. .	21.50	10.50	100:48,83	1 июня 1918	в Моск. обл.
	Химики.	19.20	13.—	100:67,70	15 июля 1918	в Моск. обл.
	Резинщики . . .	21.—	13.—	100:61,9	1 марта 1918	в Моск. обл.
	сл.	24.—	13.—	100:54,10		
	Деревообделочн .	20.—	14.40	100:72	1 июня 1918	г. Петроград и его окрест.
	Писчебумажники	16.40	10.—	100:60,97	1 июня 1918	в Моск. обл.
Мелкие производства (ремесленники, кустари) и домаш. присл.	Картонажники. .	20.—	14.40	100:72	1 июля 1918	г. Москвы и ея окрестн.
	Портные	19.—	12.—	100:63,15	15 марта 1918	г. Москвы
	Мех. пром. . . .	21.—	13.60	100:64,75	5 июня 1918	в Моск. губ.
	Чаеразвесочники.	16.—	14.—	100:87,5	15 янв. 1918	в Московск.
	Электротехники .	17.—	9.80	100:57,64	1 октяб. 1917	в Московск.
Рабочие государст. город. и обществ. учреждений	Всеведомлад. . .	10.—	9.10	100:91,6	1 мая 1918	Всероссийск.
	(новые ставки в Московском Совете)					
	Гор. служ. и раб.	36.—	14.—	100:38,88	1 мая 1918	г. Москвы
	Советск. служ. .	32.—	14.—	100:43,75	1 июня 1918	Всероссийск.
			(Петроградские ставки			
	Пожарные. . . .	32.—	16.—	100:50	1 июня 1918	Всероссийск.
	Почт. телеграф. .	32.—	14.40	100:45	1 июня 1918	Всероссийск.
	Землемеры . . .	30.—	22.—	100:73,33	1 июня 1918	Всероссийск.
Транспортные	Железнодорожн. .	17.20	10.60	100:61,62	декрет 2 декабря 1917	Всероссийск.
	сл.	19.60	10.60	100:54,08		
	Рабочие и служ.	17.50	13.33	100:76,17	1 июня 1918	г. Москвы
	гуж. трансп. сл.	15.—	10.—	100:66,66		
	Транспортн. рабочие грузчики .	21.—	11.—	100:52,38	1 июня 1918	г. Москвы
Сезонные	Строительн. пост.	20.—	10.40	100:52	15 мая 1918	в Моск. обл.
	сезон. раб.	21.40	12.50	100:54,41		
Служащие торгово-промышл. предприят.	Служащ. в аптек.	23 80	10.40	100:43,69	1 марта 1918	г. Москвы и ея окрестн.
	Служащие трактирн. промысла.	16.60	7.50	100:45,04	1 ап . 1918	г. Москвы и ея окрестн.
Другие союзы	Медицинск. раб.:					
	а) фельдш., акуш.	22.—	16.—	100:72,72		г Москвы и
	б) сестры милос.	17.—	14.—	100:73,68	19 июля 1918	Моск. губ.
	в) зубн. врачи по найму	24.—	16.—	100:66,66		
	Сестры милосерд.	16.—	14.—	100:87,5	1 февр. 1918	Всероссийск.

Таблица № 2.

Относительные размеры заработной платы в 1908 и 1918 г.г. рабочих главнейших отраслей промышленности по сравнению с заработной платой рабочих текстильщиков в % %.

Промышленность	Процентное отношение	
	в 1908 году	в 1918 году
Текстильная.	100	100
Писчебумажная.	105	87
Полиграфическая	159	132
Деревообделочная.	132	77
Металло-обрабатывающая . . .	163	97
Стеклян. и фарфор.	108	82
Кожевенная.	129	109
Обработка пищевых продукт. .	106	79
Химическая	112	69

СОДЕРЖАНІЕ.

На складе Издательства Ц. К. Всероссійского Союза Рабочих-Металл.

имеются в продаже следующие издания:

1) Комплект «Московского Металлиста» за 19-17/18 г.г. 2 р. 50 к.
2) Комплект «Петроградского Металлиста» за 19-17/18 гг. Цена 6 руб.
3) Комплект журнала «Металлист», орган ЦК ВСРМ за 1918 г. 6 руб.
4) Комплект «Тарифного Справочника» ЦК ВСРМ за 1918 г. 6 руб.
5) Комплект «Бюллетеня Всероссийского Совета Нормирования труда в металлической промышленности» за 1918 г. 8 руб.
6) Комплект журнала «Профессиональный Вестник» орган Всер. Сов. Профессион. Союзов. за 1918 г. 12 руб.
7) Комплект «Статистика Труда», орг. Народн. Комис. Труда.
8) Комплект журнала «Вестник Народного Комиссариата Труда» за 1918 г.
9) Комплект «Бюллетеня Народного Комиссариата Труда»
10) Комплект непериодическ. изданий Народного Комиссариата Труда.
11) Комплекты изданий Всероссийского Центрального Совета Профессиональных союзов.
12) Положение о нормах заработной платы и производительности рабочих и служащих металлической промышленности с 2-мя приложениями: Ставки рабочих и служащих по всем районам России, цена 1 р. 50 к.
13) Протоколы 1-й всероссийской тарифной конференции союзов металлистов. Цена 2 руб.

Требования и деньги адресовать: Издательскому отделу Центрального Комитета Всероссийского Союза Рабочих-Металлистов: Москва, Петровские линии, гост „Элит.", комн. 108.

Издательство Центрального Комитета Всероссийского Союза Рабочих-Металлистов составляет библиотеки для отделений В. С. Р. М., для заводских комитетов по всем отраслям науки, литературы и по профессиональным вопросам.

Издательство Ц. К. В. С. Р. М. имеет на складе календари издательства В. Ц. И. К.

Все справки, запросы, требования и деньги адресовать Издательскому отделу Ц.К. В. С. Р. М: Москва. Петровские линии, гост. „Элит", комн. 108.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ц. К. ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ МЕТАЛЛИСТОВ.

МОСКВА, Петровские линии, гост. „Элит“, комн. 102 и 108.
(Бюро печати).

Вышли из печати.

„Вестник Металлиста“	№ 1	1 руб.	—	коп.
„ „	№ 2	1 „	—	„
„ „	№ 3	1 „	50	„
„ „	№ 4—5—6 . .	3 „	50	„
Тарифный Справочник	№ 1	1 „	—	„
„ „	№ 2	5 „	—	„
Протоколы Всер. Тар. Конф.		2 „	—	„
Полож. о нормах зараб. платы (сент. тариф)		1 „	50	„
„Металлист“ (изд. Ц. К.)	№ 1	— „	70	„
„ „	№ 2	— „	70	„
„ „	№ 3—4 . . .	— „	70	„
„ „	№ 5	— „	70	„
„ „	№ 6	— „	70	„
„ „	№ 7	1 „	—	„
„ „	№ 8	1 „	—	„

Выходит в ближайшем будущем

„Вестник Металлиста“ № 7—8.
„Тарифный Справочник“ № 3.

Готовятся к печати.

Протоколы Учредительного С‘езда Всероссийского Союза Рабочих-Металлистов.

Протоколы 1-го и 2-го Советов В. С. Р. М.

С требованиями обращаться:

Москва, Петровские линии, гостиница „Элит“, комната 108. Издательский отдел Ц. К. В. С. Р. М.

